

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

2018. Т. 13(1–4). № 1

ISSN 2072-2427

Научный журнал.

Издается с октября 2006 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-22078 от 14.10.2005.

Главный редактор А. П. Скиба

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

Дата выхода в свет 28.03.2018. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 71616;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.aipk.org) – 71616.

Все права защищены.
Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования.

© Академия ФСИН России, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Скиба Андрей Петрович,**
главный редактор, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)
- Антонян Юрий Миранович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Беляева Лариса Ивановна,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Букалерова Людмила Александровна,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Быков Андрей Викторович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Горяинов Константин Константинович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Грушин Федор Владимирович,**
кандидат юридических наук (Россия, Рязань)
- Детков Алексей Петрович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
- Кашуба Юрий Анатольевич,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)
- Кийко Николай Владимирович,**
кандидат юридических наук, доцент (Беларусь, Минск)
- Козаченко Иван Яковлевич,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
- Крымов Александр Александрович,**
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)
- Маликов Борис Зуфарович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Уфа)
- Наваан Гантулга,**
доктор (PhD), профессор (Монголия, Улан-Батор)
- Ольховик Николай Владимирович,**
кандидат юридических наук, доцент (Россия, Томск)
- Орлов Владислав Николаевич,**
доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
- Родионов Алексей Владимирович,**
доктор экономических наук (Россия, Рязань)
- Селиверстов Вячеслав Иванович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Скаков Айдаркан Байдекович,**
доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Астана)
- Скрипченко Нина Юрьевна,**
доктор юридических наук, доцент (Россия, Архангельск)
- Терещенко Татьяна Георгиевна,**
кандидат юридических наук (Беларусь, Минск)
- Уткин Владимир Александрович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Томск)
- Шабанов Вячеслав Борисович,**
доктор юридических наук, профессор (Беларусь, Минск)
- Южанин Вячеслав Ефимович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL TEAM

- Skiba Andrej Petrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Beljaeva Larisa Ivanovna,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Bukalerova Ljudmila Aleksandrovna,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Bykov Andrej Viktorovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Gorjainov Konstantin Konstantinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Grushin Fedor Vladimirovich,**
Candidate of Juridical Sciences (Russia, Ryazan)
- Detkov Aleksej Petrovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Kijko Nikolaj Vladimirovich,**
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor (Belarus, Minsk)
- Kozachenko Ivan Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ekaterinburg)
- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Ryazan)
- Malikov Boris Zufarovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ufa)
- Navaan Gantulga,**
PhD, Professor (Mongolia, Ulan-Bator)
- Ol'hovik Nikolaj Vladimirovich,**
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Tomsk)
- Orlov Vladislav Nikolaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Moscow)
- Rodionov Aleksej Vladimirovich,**
Doctor of Economic Sciences (Rossija, Ryazan)
- Seliverstov Vjacheslav Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Skakov Ajdarkan Bajdekovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Kazakhstan, Astana)
- Skripchenko Nina Jur'evna,**
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Arhangelsk)
- Tereshhenko Tat'jana Georgievna,**
Candidate of Juridical Sciences (Belarus, Minsk)
- Utkin Vladimir Aleksandrovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Tomsk)
- Shabanov Vjacheslav Borisovich,**
Doctor of Juridical Sciences (Belarus, Minsk)
- Juzhanin Vjacheslav Efimovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ СТРУЧКОВУ И МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ МЕЛЕНТЬЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

- 8** *Орлов В. Н.* Идеи профессора Н. А. Стручкова и перспективы развития уголовно-исполнительного права
- 14** *Зубкова В. И.* Принцип справедливости в уголовном законодательстве Российской Федерации
- ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА**
- 19** *Мальчук О. И., Румянцев Н. В.* История ювенальной юстиции в России
- 25** *Яковлева О. Н.* Историко-правовые аспекты передачи пенитенциарной системы в ведение Министерства юстиции Российской империи
- УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**
- 31** *Попова Е. Э.* Реализуется ли общественное воздействие как средство исправления к осужденным, отбывающим наказание в виде пожизненного лишения свободы?
- 34** *Харитонович Е. Д.* Некоторые проблемы предупреждения повторных преступлений, возникающие в связи с наличием различных заболеваний у осужденных к наказанию в виде ограничения свободы
- УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ,
И ИХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
- 39** *Огородников В. И.* Организационное совершенствование деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы
- ИСПОЛНЕНИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ,
НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ**
- 45** *Нечаева Е. В.* Перспективы трансформации наказания в виде принудительных работ
- 50** *Белюкова Т. И.* Оперативно-розыскная профилактика преступлений осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества
- ИСПОЛНЕНИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ**
- 53** *Бабаян С. Л.* О концепции развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы
- 56** *Середа Е. В.* Тенденции оказания медицинской помощи осужденным

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

- 59 *Дворянсков И. В.* Об учете зарубежного опыта применения технических средств контроля за осужденными (на примере США)
- 62 *Некрасов А. П.* Международные акты, обеспечивающие безопасный и гуманный подход к осужденным в пенитенциарных учреждениях
- 67 *Хуторская Н. Б.* Пожизненное лишение свободы в мире

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

- 70 *Дебольский М. Г.* Нормативно-правовое обеспечение деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы на различных этапах ее развития
- 75 *Полякова Я. Н., Поляков А. В.* Специфика психологической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к служебной деятельности (сравнительный анализ)

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

- 80 *Казакова В. А., Гарник С. В.* Совершенствование регламентации наказаний, связанных с трудовым воздействием

БИБЛИОТЕКА ПЕНИТЕНЦИАРИСТА

- 84 *Степанов М. В.* Рецензия на монографию «Принудительное питание осужденных к лишению свободы», подготовленную авторским коллективом под научным руководством доктора юридических наук, доцента А. П. Скибы и общей редакцией доктора юридических наук, доцента А. А. Крымова

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

NIKOLAY ALEKSEEVICH STRUCHKOV

AND MIKHAIL PETROVICH MELENTIEV DEDICATED

- 88** *Orlov V. N.* The ideas of professor N. A. Struchkov development aspects of penal law

THE THEORY OF PENAL LAW

- 89** *Zubkova V. I.* Principle of justice in the Criminal law of the Russian Federation

CRIMINAL ACTIVITY: HISTORICAL ASPECTS

- 89** *Malchuk O. I., Rummyantsev N. V.* The history of juvenile justice in Russia
90 *Yakovleva O. N.* Historical and legal aspects of penal system transfer to competence the Ministry of justice of the Russian Empire

THE PURPOSES OF THE PENAL LEGISLATION
AND THEIR ACHIEVEMENT

- 91** *Popova E. E.* Is social influence being exercised as a means of correction of convicts sentenced to life imprisonment?
92 *Kharitonovich E. D.* Some issues of recidivism prevention arising due to different illnesses of convicts sentenced to restriction of liberty

PENAL INSTITUTIONS AND BODIES
AND THEIR LEGAL ACTIVITY

- 93** *Ogorodnikov V. I.* Management improvement of the activity of penal service institutions

THE EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENTS
NOT RELATED TO DEPRIVATION OF LIBERTY

- 93** *Nechaeva E. V.* Transformation aspects of punishment in the form of compulsory labor
94 *Belukova T. I.* Operational investigative prevention of crimes committed by the sentenced to punishments not connected with isolation from society

THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES
ASSOCIATED CUSTODIAL

- 95** *Babayan S. L.* On the development concept of the incentive regulations and institutions applied to condemned in penal service bodies and institutions
96 *Sereda E. V.* Development tendencies of medical treatment for convicts

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF CRIMINAL PUNISHMENT EXECUTION

- 96 *Dvoryanskov I. V.* On the foreign experience consideration of technical means application for control for the condemned persons (evidence from the USA)
- 97 *Nekrasov A. P.* International acts providing safe and humanistic approach to convicts in penal institutions
- 98 *Khutorskay N. B.* Life imprisonment in the world practice

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL BASES OF EXECUTION OF PUNISHMENTS

- 98 *Debolsky M. G.* Legal provision of activities of the penal system psychological service at different stages of its development
- 99 *Polyakova Ya. N., Polyakov A. V.* Peculiarities of psychological professional training of employees of the penal system (comparative analysis)

INTERSECTORAL ASPECTS OF ENFORCEMENT OF CRIMINAL SANCTIONS

- 100 *Kazakova V. A., Garnik S.V.* Improvement of labor-related penalties regulation

PENITENTIARY LIBRARY

- 101 *Stepanov M. V.* Review of the monograph "The forced nutrition of convicts sentences to deprivation of liberty" prepared by the team of authors under the scientific guidance of Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor A. P. Skiba and the general editorship of Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor A. A. Krymov

УДК 343.8

ВЛАДИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ ОРЛОВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права,
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

ИДЕИ ПРОФЕССОРА Н. А. СТРУЧКОВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Для цитирования

Орлов, В. Н. Идеи профессора Н. А. Стручкова и перспективы развития уголовно-исполнительного права / В. Н. Орлов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 8–13.

Аннотация. В статье, опираясь на идеи Н. А. Стручкова, определяется ряд направлений развития уголовно-исполнительного права. Помимо прочего, обосновывается необходимость расширения предмета уголовно-исполнительного права и разработки уголовно-исполнительного процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: идеи Н. А. Стручкова, карательное содержание уголовного наказания, предмет уголовно-исполнительного права, уголовно-исполнительный процессуальный кодекс.

Ряд идей, высказанных профессором Николаем Алексеевичем Стручковым, актуальны и сегодня. Рассмотрим три тезиса, отражающие оригинальный взгляд Н. А. Стручкова на некоторые фундаментальные проблемы и сформулированные еще в 1960–1970-е годы.

Первый тезис

Так, в 1979 г. профессор Н. А. Стручков отмечал, что «с образованием уголовно-исполнительного права непосредственно оно, а не исправительно-трудовое право должно входить в уголовно-правовой комплекс. Поскольку нормами уголовного права предусмотрены все виды уголовного наказания, нормами уголовно-процессуального права – общий порядок их применения, а нормами *уголовно-исполнительного права* должны быть установлены порядок и условия исполнения всех наказаний, можно говорить о существовании полного соответствия объемов названных отраслей права. Тем не менее возникает вопрос, может ли существовать еще *уголовно-исполнительное процессуальное право* (курсив наш. – В. О.). Бесспорно то, что существующие нормы исправительно-трудового права включают в себя целый ряд процессуальных моментов. К числу этих норм относятся, например, нормы о порядке применения взысканий и поощрений к осужденным, о порядке рассмотрения вопросов материальной ответственности, о порядке перевода в помещения камерного типа и др. Подобные нормы

будут и в уголовно-исполнительном законодательстве. Однако пока в исправительно-трудовом праве нормы процессуального характера еще не систематизированы, то, очевидно, далеко не все вопросы, нуждающиеся в правовом регулировании, разрешены указанными нормами. Имея в виду общую тенденцию развития права и появления в нем процессуальных отраслей, можно предположить, что в перспективе возможно выделение уголовно-исполнительных процессуальных норм в отдельную систему и создание *уголовно-исполнительного процессуального права* (курсив наш. – В. О.)» [1].

В настоящее время в процессе попыток разграничения уголовно-исполнительного, уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования [2, с. 69–76] и подготовки различных проектов и обсуждения идей нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [3, с. 368–373] концепция, определенная профессором Н. А. Стручковым, – «систематизация уголовно-исполнительных процессуальных норм в отдельную систему» по истечении почти 40 лет особенно актуальна и наиболее приемлема. Только следуя идее, обозначенной Н. А. Стручковым, возможно разработать и подготовить новый, в принципе другой Уголовно-исполнительный процессуальный кодекс Российской Федерации.

Именно данный подход позволит наконец-то устранить противоречия между уголовным (материальным) правом и уголовно-исполнительным (процессуальным) правом путем включения в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) всех лишений, ограничений, замен и дополнений прав, законных интересов и обязанностей осужденных (ради справедливости отметим, что в юридической литературе приводится и иной подход [4, с. 46–50]). Кроме того, в УК РФ следует включить и иные лишения, ограничения, замены и дополнения прав, законных интересов и обязанностей осужденных ко всем видам или к определенному виду уголовного наказания, содержащиеся в иных нормативно-правовых актах.

При рассмотрении уголовного (материального) и уголовно-исполнительного (процессуального) права может возникнуть вопрос: может ли собственно процесс воздействовать на материю, то есть возможно ли, учитывая различные обстоятельства, возникающие в период процедуры исполнения и отбывания наказания, изменять карательное содержание уголовного наказания? В уголовно-исполнительном процессе такая вероятность закреплена.

На наш взгляд, возможность изменения карательного содержания уголовного наказания в результате возникших четко определенных в законе обстоятельств в процессе исполнения и отбывания уголовного наказания прежде всего должна быть отражена в материальном, то есть уголовном праве, а уже потом в процессуальном – уголовно-исполнительном праве [5, с. 95–96, 98].

Следует отметить, что попытка авторов теоретической модели нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации под руководством профессора В. И. Селиверстова лишь отчасти следовать концепции, предложенной Н. А. Стручковым, выражается в разработанном и предложенном новом втором разделе «Основные участники уголовно-исполнительного процесса». Не вдаваясь в критический анализ указанной выше модели нового УИК РФ, поскольку это займет слишком много времени, отметим лишь, что идея первого раздела «Основные положения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации», в котором не говорится ни слова об уголовно-исполнительном процессе, в принципе не соответствует концепции второго раздела. Кроме того, ряд важных положений, касающихся именно уголовно-исполнительного процесса, вообще не был регламентирован.

Второй тезис

В 1967 г. Н. А. Стручков утверждал, что «об использовании норм исправительно-трудового права можно говорить и при организации отбывания меры пресечения в виде заключения под стражу, когда имеют место уголовно-процессуальные правоотношения» [6, с. 47].

Мы развиваем данную идею профессора и полагаем, что отношения, связанные с исполнением и отбыванием всех мер уголовно-процессуального пресечения, должны входить в предмет уголовно-исполнительного права. Эта идея представлена нами не только в первом двухтомном учебнике «Российское уголовно-исполнительное право», изданном в МГЮА имени О. Е. Кутафина в 2010 г. в серии «Библиотека журнала „Российский криминологический взгляд“» [7, с. 30–32], но и в других учебниках по уголовно-исполнительному праву, опубликованных позднее [8, с. 30–32].

В соответствии со ст. 98 УПК РФ мерами пресечения являются: 1) подписка о невыезде; 2) личное поручительство; 3) наблюдение командования воинской части; 4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; 5) залог; 6) домашний арест; 7) заключение под стражу.

Процесс исполнения и отбывания некоторых уголовно-процессуальных мер пресечения весьма схож с процедурой исполнения и отбывания отдельных уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, в результате чего один и тот же субъект может исполнять как уголовное наказание и иную меру уголовно-правового характера, так и уголовно-процессуальную меру пресечения. Например, уголовно-исполнительная инспекция наравне с исполнением наказания в виде ограничения свободы исполняет и уголовно-процессуальную меру пресечения в виде домашнего ареста.

В соответствии с подп. 1.1 п. 3 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314, одной из основных задач ФСИН России является контроль за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений. В подп. 1 п. 7 рассматриваемого Положения указывается, что ФСИН России обеспечивает в соответствии с законодательством РФ «точное и безусловное исполнение приговоров, постановлений и определений судов в отношении осужденных, лиц, содержащихся под стражей, и лиц, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста».

Постановлением Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. № 360 «О некоторых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций» внесены изменения и дополнения в постановление Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности». В частности, основные задачи инспекций, определенные в п. 4 разд. I Положения об уголовно-исполнительных инспекциях, дополнены еще одной – «б1) контроль за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений».

Нельзя также не отметить, что в 1977 г. была высказана оригинальная идея К. В. Мазняком. Он считал, что нормы уголовно-исполнительного законодательства должны охватывать весь круг общественных отношений, связанных с уголовной ответственностью, но ввиду своего «исполнительного» характера не регулируемых нормами ни уголовного, ни уголовно-процессуального права. К числу норм уголовно-исполнительного законодательства автор непосредственно относит нормы, обеспечивающие уголовную

ответственность путем кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, предварительного заключения под стражу и других мер пресечения, исполнения определений, постановлений и приговоров суда. К последней группе норм К. В. Мазняк относил нормы, в соответствии с которыми приговор обращается к исполнению. Естественно, функцией уголовно-исполнительного права признавалось правовое регулирование реального исполнения наказания [9, с. 74–75]. Профессор Н. А. Стручков считал, что «концепция К. В. Мазняка должна быть принята во внимание» [10].

Третий тезис

В 1957 г. в материалах теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права Н. А. Стручковым была высказана оригинальная идея. Он утверждал, что «исправительно-трудовое законодательство регулирует исполнение не только мер уголовного наказания. К нему относятся нормы, устанавливающие порядок и условия исполнения таких мер административного воздействия, как исправительно-трудовые работы и арест за мелкое хулиганство. Это отнюдь не стирает грани между уголовным наказанием и административным взысканием... При замене мер уголовного наказания мерами административного взыскания задача воспитательного воздействия на нарушителя сохраняется. Поэтому и допустимы такие меры административного взыскания, как арест с содержанием в камерах предварительного заключения или в тюрьмах с использованием арестованных на физических работах, как исправительно-трудовые работы. Трудно отрицать, что арест и исправительно-трудовые работы как меры административного взыскания носят воспитательный характер» [11]. В итоге Н. А. Стручков признавал, что «нормы права, образующие в своей совокупности исправительно-трудовое законодательство, регулируют:

1. *Порядок и условия исполнения мер наказания и административного взыскания исправительно-трудового характера* (курсив наш. – В. О.).
2. Использование методов исправительно-трудового воздействия.
3. Систему исправительно-трудовых учреждений» [11].

О том, что исправительно-трудовое законодательство имеет значение для применения некоторых видов административных взысканий и об особом исправительно-трудовом характере административных взысканий Н. А. Стручков указывал и позднее [12].

В настоящее время высказанные идеи профессора Н. А. Стручкова актуальны по ряду причин.

Во-первых, нельзя не отметить тенденцию сближения карательного содержания видов административного наказания с видами уголовного наказания. Законодатель давно стал игнорировать правило о том, что административная кара должна быть менее уголовной. Например, административный штраф для граждан устанавливается в размере от пятидесяти до пятисот тысяч рублей; на должностных лиц – от ста тысяч до одного миллиона рублей (ст. 14.57 КоАП РФ), а для юридических лиц – до шестидесяти миллионов рублей (ст. 15.27.1); административное наказание в виде обязательных работ – на срок от двадцати до двухсот часов (ч. 2 ст. 3.13 КоАП РФ).

Понятно, что это обусловлено сближением степеней общественной опасности отдельных составов административных правонарушений и преступлений. Кстати, отчасти поэтому, на наш взгляд, объясняются все чаще звучащие призывы о необходимости введения в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации института в виде уголовного проступка.

В настоящее время в соответствии со ст. 3.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за совершение административных правонарушений

могут устанавливаться и применяться следующие административные наказания: предупреждение; административный штраф; конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишение специального права, предоставленного физическому лицу; административный арест; административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства; дисквалификация; административное приостановление деятельности; обязательные работы; административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения. Бесспорно, что отдельные меры административного наказания сопряжены с исправительно-трудовым воздействием.

Во-вторых, не следует забывать, что лица, совершившие ряд серьезных правонарушений, могут стать потенциальными преступниками, а осужденные, отбывающие уголовное наказание, могут совершить административное правонарушение, схожее по ряду признаков с уголовным преступлением. При этом как первым, так и вторым могут быть назначены похожие меры принуждения (например, обязательные работы). В связи с этим, а также по иным причинам возникает масса процедурных вопросов. Кроме того, важно, как в дальнейшем будут учитываться поведение вышеуказанных категорий лиц, результаты исправительного и предупредительного воздействия на них и т. д.

Конечно, в целях эффективного достижения целей административного и уголовного наказаний отдельные меры административного и уголовного наказаний должны исполняться одним ведомством, может, в отдельных случаях, одним и тем же субъектом. Возможно, в очень скором будущем *общественные отношения, возникающие в процессе исполнения и отбывания отдельных административных и уголовных наказаний, будут регламентироваться одной отраслью права* (курсив наш. – В. О.) и это положение будет в полной мере соответствовать идее, высказанной Н. А. Стручковым еще в 1950-е годы.

В заключение следует отметить, что ряд идей и взглядов профессора Николая Алексеевича Струčkова со временем приобретают новую актуальность и другое качество. Бесспорно, некоторые из них требуют дополнительного изучения, иного осмысления и современного понимания.

Библиографический список

1. Стручков Н. А. Исправительно-трудовое или уголовно-исполнительное право // Советское государство и право. 1979. № 1. С. 68–75.
2. Скиба А. П. К вопросу о разграничении уголовно-правового, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального регулирования // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7. С. 69–76.
3. Орлов В. Н. Нужен новый Уголовно-исполнительный кодекс РФ: криминологический взгляд // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2. С. 368–373.
4. Скиба А. П. Некоторые проблемы разграничения уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3. С. 46–50.
5. Орлов В. Н. Применение и отбывание уголовного наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 605 с.
6. Стручков Н. А. Советское исправительно-трудовое право // Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. Гл. 1. § 5. 190 с.
7. Орлов В. Н., Эминов В. Е. Понятие, предмет и метод уголовно-исполнительного права // Российское уголовно-исполнительное право : в 2 т. Т. 1. Общая часть / Ю. А. Кашуба [и др.] ; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2010. Гл. 1. § 2. С. 30–32.

---

8. Орлов В. Н., Эминов В. Е. Понятие, предмет и метод уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части : учеб. для академ. бакалавриата / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2012. Гл. 1. § 1.2. С. 30–32.

9. Мазняк К. В. К вопросу об уголовно-исполнительном праве // Вопросы профилактики преступлений. Л., 1977.

10. Стручков Н. А. Социальная политика социалистического государства и правовые нормы об исполнении наказания // Комплексная разработка проблем исполнения наказания : сб. научных трудов Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР. М., 1979. № 50.

11. Стручков Н. А. Содержание советского исправительно-трудового законодательства и значение для его разработки кодификации уголовного законодательства // Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957 г.). М., 1957.

12. Стручков Н. А. Теоретические вопросы систематизации советского исправительно-трудового законодательства // Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. М., 1962.

УДК 343.211(470)

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА ЗУБКОВА,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник юридического факультета,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования

Зубкова, В. И. Принцип справедливости в уголовном законодательстве Российской Федерации / В. И. Зубкова // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 14–18.

Аннотация. В статье раскрывается принцип справедливости, его понятие в уголовном законодательстве, в частности, в вопросах наказания. Эффективность наказания в достижении своих целей определяется системой уголовных наказаний, их сроками и размерами, строением санкций, криминализацией и декриминализацией деяний. Если при назначении наказания и его применении был нарушен принцип справедливости, то оно не приносит никакой пользы.

Ключевые слова: преступление, наказание, справедливость, польза наказания, криминализация деяний, альтернативность санкций, проблема кратных штрафов.

Охранительные и предупредительные задачи уголовного закона (ст. 2 УК РФ) могут быть выполнены лишь при строгом соблюдении и применении принципов уголовного закона. Об этом категорично указано в ч. 2 ст. 2 УК РФ: «Для осуществления этих задач Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений». При этом социально обоснованным будет такой закон, который эффективен, который отвечает принципу справедливости, то есть выполняет охранительные и предупредительные задачи, а также достигает целей наказания – исправление лица, осужденного за преступление, и предупреждение совершения новых преступлений. Несправедлив такой закон, который ввиду его конструктивных недостатков, расплывчатости, неопределенности не применяется, либо неправильно применяется к реально существующей преступности, либо применяется по усмотрению правоприменителя с учетом его субъективного усмотрения.

Справедлив закон, криминологически обоснованный, то есть который нацелен и влияет на сокращение преступности, исходя из ее уровня, динамики и структуры. Принципы уголовного права обязательны как при законодательной, так и при правоприменитель-

ной деятельности. Под уголовно-правовыми принципами понимаются основные идеи, исходные положения, обязательные для законодателя, правоприменительных органов, граждан в сфере противодействия преступности. Таким образом, принципы адресованы не только правоприменителю, но и законодателю. Отступления здесь не должно быть. Принцип справедливости сформулирован в ст. 6 УК РФ: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Принцип справедливости наказания реализуется в нормах о системе и видах наказания, назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания. Лицу, совершившему преступление, суд должен назначить такое наказание, которое явилось бы необходимым для его персонального исправления и специального предупреждения преступлений. Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в том случае, если менее строгий вид наказания не может обеспечить достижения целей наказания. Анализ статьи о принципе справедливости показывает, что в ней отражен лишь один признак этого принципа – справедливость в уголовном праве. Он касается того, что справедливым должно быть применяемое наказание или иная мера уголовно-правового характера. Здесь имеется в виду, что:

- а) справедливым должен быть вид наказания, назначаемого виновному;
- б) справедливым должен быть его размер в санкции статьи;
- в) справедливым будет привлечение к уголовной ответственности один раз за одно и то же преступление.

Кроме того, как видно из редакции ст. 6 УК РФ, все эти принципы справедливости в уголовном праве сведены лишь к соразмерности их характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Однако принцип справедливости в уголовном праве не исчерпывается справедливостью карательного воздействия. Он значительно шире. Справедливость в определенной степени включает в себя и другие принципы уголовного права, в первую очередь принципы законности, равенства всех перед законом, вины и др. Все принципы действуют не изолированно друг от друга, а в совокупности, в сочетании друг с другом. Применяя при назначении наказания принцип справедливости и преследуя цель справедливости, судебные органы обязаны руководствоваться и указанными принципами, так как игнорирование, например, принципа вины влечет за собой нарушение презумпции невиновности, принципов законности и гуманизма – нарушение объективного рассмотрения дела (ст. 7, 8, 10, 14 УПК РФ). Так, если лицо привлечено к уголовной ответственности незаконно (а такие случаи бывают), то тем самым нарушается и принцип справедливости; или если одному лицу за коррупционные деяния определяют ограничение свободы, а другому «за кражу кошелька» – лишение свободы, то нарушается принцип равенства всех перед законом и, стало быть, ни о какой справедливости не может быть и речи.

Принцип справедливости в уголовном праве прежде всего проявляется в нормотворчестве, то есть в законотворческом регулировании криминализации общественно опасных деяний, а также в декриминализации деяний (мертворожденных норм), либо ввиду отпадения их общественной опасности. Важнейшая предпосылка любой законотворческой деятельности – это анализ объективных общественных процессов (позитивных и негативных), определяющих как саму необходимость в принятии законодательства или практики его применения, так и конкретное содержание этих законов.

В последнее время уголовное законодательство России стало предметом достаточно острых дискуссий (не без оснований), выражающих разные позиции по его реформированию: от переработки и принятия новой редакции УК РФ до разработки и принятия нового уголовного кодекса. Поводом для подобных дискуссий является то, что кодифицированный УК РФ интенсивно подвергается внесению изменений, дополнений; причем нередко таких дополнений, которые изначально (в момент принятия их) реально являются неработающими, «мертворожденными», например, как это имеет место с «арестом», ч. 6 ст. 15 (изменение категории преступлений). Следует особо обратить внимание на это «новшество». В ч. 6 ст. 15 УК РФ конкретно указано, что с учетом фактических обстоятельств преступления «суд вправе изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну». Возникает вопрос: была ли в этом необходимость? Ответ на него категорически является только отрицательным. Дело в том, что, если обстоятельства дела показывают, что субъекту преступления следует назначить более мягкое наказание, чем предусматривает санкция статьи, по которой он обвиняется, для этого есть в УК РФ ст. 64 «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление». Непонятна также позиция законодателя в этом вопросе – отдавать его на субъективное усмотрение суда, поскольку это нарушает принцип справедливости. Судебная практика показывает, что эта норма на практике не работает. Суды постоянно в своих приговорах указывают, что не усматривают оснований для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, причем даже в случаях, когда по делу установлено много смягчающих обстоятельств и полное отсутствие отягчающих.

Кроме того, не совсем продуманные изменения по криминализации деяний имеют и иную направленность; например, конфискация имущества как вид наказания исключена в 2003 г. (правда, непонятно почему, можно только догадываться), а вот ответственность с 14-летнего возраста расширена. Если раньше (до 2014 г.) ст. 20 УК РФ предусматривала ответственность с 14 лет за 20 преступлений, то с указанного времени (особенно с 2016 г.) ответственность таких подростков установлена за 33 преступления, причем есть такие, за которые может быть вообще установлена административная ответственность, например вандализм. Непонятна позиция законодателя о введении в 2013 г. кратного штрафа (ч. 2 ст. 46 УК РФ). В настоящее время кратный штраф установлен в ст. 290, 291, 291.1, 204 УК РФ, то есть взятка, коммерческий подкуп, незаконное перемещение денежных средств через таможенную границу, где наказание будет исчисляться не миллионами, а сотнями миллионов. При этом следует напомнить, что вносится предложение о расширении кратного штрафа на всю область преступлений в сфере экономики. Всевозможные изменения (дополнения) стали вноситься в УК РФ уже в 1998 г., то есть спустя всего два года после его принятия. Можно предположить, что такой подход определялся реальными обстоятельствами. Тем не менее следует признать, что и в таких случаях необходима проработка закона, а не «скачкообразное» реформирование (например, сейчас поднимается вопрос о введении уголовной ответственности за совершение уголовного проступка, определив его понятие в УК РФ). Кодифицированный уголовный закон, несовершенство которого при постоянно вносимых изменениях, к сожалению, утрачивает свою авторитетность и приводит к неработоспособности, к субъективному усмотрению правоприменителя, а в целом к нарушению принципа справедливости. Кодификация предполагает устранение противоречий, повторений в нормативно-правовых актах, восполнение пробелов, устранение устаревших норм и создание новых предписаний. Кодификация – это всегда деятельность законодателя, которая носит официальный характер и имеет целью создание нового, более эффек-

тивного нормативно-правового акта, отвечающего всем принципам уголовного закона, и прежде всего принципу справедливости.

Нельзя не отметить и не признать ошибочной тенденцию о широкой альтернативности санкций, куда практически включена вся система наказаний, о необоснованном усилении ответственности некоторых деяний. Любой вид наказания, его размер, срок имеют свою реализацию прежде всего в санкциях уголовно-правовой нормы. От того, какие виды наказаний содержит санкция и сколько их там закреплено, каков их размер, срок, зависит вид наказания (его срок и размер) конкретному лицу, и, что немаловажно, это влияет на цели наказания и обуславливает справедливость назначенного наказания. Сейчас в санкциях УК РФ нередко за одно и то же преступление установлены совершенно различные виды наказаний, часто не согласующиеся между собой по своей тяжести (от нескольких десятков часов обязательных работ до нескольких лет лишения свободы). При этом отсутствует жесткая зависимость санкции от категории преступлений.

К проблеме построения санкций относятся такие вопросы, как целесообразность излишне широкой альтернативности видов наказаний за одно и то же деяние; во многих случаях их количество содержит четыре, а то и пять видов наказаний: от штрафа, обязательных работ и исправительных работ до лишения свободы и еще с применением дополнительного наказания. Ярким примером такого построения санкций являются изменения, внесенные в июле 2016 г., где во множестве статей санкции стали просто необъятные. Возникают вопросы: является ли такой подход к закону справедливым, может ли он обеспечивать его эффективность в предупреждении преступлений и исправлении осужденных? Однозначно – нет. Ни теория, ни практика не может дать вразумительный ответ на вопрос о том, как создаются (и кем) санкции.

Представляется, что санкции (а это наказание) должны быть справедливыми и соразмерены на выполнение задач уголовного закона (ст. 2 УК РФ), в связи с чем непременным условием конструирования наказаний в санкциях является объект уголовно-правовой охраны, его ценность и значимость. Чем ценнее объект посягательства, тем строже должно быть наказание, при этом санкции не должны иметь столь широкую альтернативность. Наказание должно нести в себе предупреждение в совершении преступлений и устрашимость за их совершение. Именно в этом заключается справедливость наказания.

В литературе нередко отмечается, что такие подходы к кодификации уголовно-правовых норм и, вообще, уголовного законодательства говорят о неадекватной уголовно-правовой политики в области противодействия преступности, которая направлена на неопределенно широкую либерализацию уголовного законодательства без учета реального состояния, структуры и динамики преступности в стране и в какой-то мере на искусственное сокращение численности лиц, отбывающих лишение свободы. Такие подходы к кодификации нередко обусловлены не объективным анализом законодательства и практики его применения, не состоянием и структурой преступности, а политизированным комментарием уголовно-правовой политики, и не по закону, а по субъективному усмотрению правоприменителя – «как хочу, так и сделаю». Основным критерием справедливости уголовного закона является его четкость, недвойственное его понимание и применяемость его к реальной преступности. Закон живет в его практическом и правильном применении, тогда он справедлив.

Следующее требование принципа справедливости имеет отношение к правоприменительной деятельности и касается всех органов правоприменения, которые осуществляют процесс реализации уголовно-правовых норм. Это такие нормы (виды наказаний,

санкции), когда предписания отданы правоприменителю на их субъективное усмотрение, когда правоприменитель решает, применить или не применить то или иное наказание, освободить или не освободить от наказания лицо, применить ту или иную норму. Такой подход выражается в законе словами «суд может»; «наказание может быть сокращено», «лицо может быть освобождено» и т. д. Примером таких норм могут служить ч. 1, 2 ст. 75, ч. 6 ст. 15 УК РФ и др.

Анализ уголовного законодательства исходя из принципа справедливости можно продолжать и дальше, так как это не единственные недостатки. Из тезисного обзора указанных проблем следует, что к законодательным изменениям необходимо подходить очень продуманно, увязывая их с практикой применения. Кроме того, изменения не должны быть в отрыве от социальной жизни и социальной действительности и, конечно же, практики применения закона. Практика применения наказания должна отвечать всем принципам уголовного законодательства – справедливости, законности, равенства всех перед законом, гуманизма.

УДК 544.183.26

ОЛЬГА ИВАНОВНА МАЛЬЧУК,

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: molga.77@yandex.ru;

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ,

доктор юридических наук,
ведущий научный сотрудник, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация

ИСТОРИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ

Для цитирования

Мальчук, О. И. История ювенальной юстиции в России / О. И. Мальчук, Н. В. Румянцев // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 19–24.

Аннотация. Рассматривается история становления ювенальной юстиции в России. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что многие идеи правосудия в отношении несовершеннолетних получили свое развитие и закрепление в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, ювенальные суды, несовершеннолетние, комиссии по делам несовершеннолетних, преступность.

Система уголовно-правовой охраны прав и законных интересов несовершеннолетних всегда обусловлена сложившимися в обществе на определенном историческом этапе отношением к детству, развитием идей гуманизма и уровнем законодательной техники. Эволюция норм ювенального права подчинена действию двух основных закономерностей: а) сокращению объема карательного потенциала уголовного закона в отношении несовершеннолетних и б) возрастанию объема требований к поведению людей по обеспечению неприкосновенности прав ребенка [7, с. 10].

В середине XVIII в. происходит изменение социального статуса ребенка, появляется ряд актов об охране несовершеннолетних (XV том Свода законов Российской империи, в котором получили развитие нормы ювенального уголовного права: впервые появились институты, ориентированные на защиту несовершеннолетних).

Государственная власть брала на себя важную роль в области защиты прав несовершеннолетних в силу международного влияния и осознания необходимости качественно новой системы защиты прав детей. Тем не менее до середины 60-х гг. XIX в. к несовершеннолетним в России относились как ко взрослым преступникам.

В XX в. нормы об особенностях ответственности несовершеннолетних были разрознены во всем законодательстве, прежде всего уголовном, что затрудняло осуществление правоприменительной практики. Это объясняется идеологией советского времени, замалчивавшего о наличии преступности несовершеннолетних. Для законодательства

об ответственности несовершеннолетних этого периода характерны непоследовательность, подверженность политической и идеологической конъюнктуре.

В конце XX в. происходит деидеологизация общества, в связи с чем изменилась позиция законодателя и проекты уголовного кодекса, разрабатывавшиеся в 90-е годы, содержали главы об ответственности несовершеннолетних в Общей и Особенной части [7, с. 16]. Такова краткая характеристика изменения законодательства в отношении несовершеннолетних в отечественной истории.

Немаловажным является то, что в России имелся успешный опыт функционирования автономных судов по делам несовершеннолетних, который положительно оценивался современниками. По мнению Ю. И. Стародубцева, созданные детские суды руководствовались новыми началами, не ставящими себе целью непременно наказать виновного, а скорее направить его, помочь ему выбраться на правильную дорогу [9, с. 13].

Результаты работы особых судов для несовершеннолетних в России в период с 1910 по 1917 год оценивались современниками положительно.

Необходимо обратить внимание на то, что российский суд по делам несовершеннолетних образца 1910 г. отличали следующие признаки:

- рассмотрение дел производилось единоличным судьей;
- судья избирался из населения, проживающего в судебном округе; было необходимо знание судьями психологии, предпочтение отдавалось врачам и педагогам;
- широкая предметная подсудность данного суда;
- негласность судебного разбирательства;
- неформальный судебный процесс, сводившийся к беседе судьи с несовершеннолетним в присутствии попечителя, отсутствие обвинительного акта и судебной защиты;
- применение в качестве основной меры воздействия попечительского надзора;
- обжалование решения суда в особом отделении съезда мировых судей (так называлась апелляционная инстанция на решения мировых судей в России).

После Октябрьской революции ювенальная система претерпела значительные изменения. Автономная ювенальная юстиция перестала существовать по Декрету Совнаркома России от 17 января 1918 г. «О комиссиях о несовершеннолетних», который отменил суды для несовершеннолетних, а также тюремное заключение для несовершеннолетних. В соответствии с Декретом были созданы комиссии по делам несовершеннолетних, которые находились в ведении Наркомата общественного призрения. Комиссии включали в себя представителей трех ведомств: общественного призрения, просвещения и юстиции. Обязательным членом комиссии был врач. К ведению комиссий были отнесены дела лиц до 17 лет.

Тем не менее в начале 20-х гг. XX в. сложилась ситуация разобщенности органов, призванных осуществлять заботу о детях [1, с. 47].

В компетенцию комиссий входило освобождение несовершеннолетних от ответственности или направление их в одно из отделений Наркомата общественного призрения (в соответствии с характером деяния).

Однако несовершеннолетние совершали не только правонарушения, но и тяжкие преступления. В связи с этим был принят Декрет от 4 марта 1920 г. «О суде над несовершеннолетними». Допускалась передача дел лиц от 14 до 18 лет в народный суд, если комиссия установила невозможность применить к ним медико-педагогические меры. Судебное вмешательство применялось в случае совершения тяжкого преступления. Такие дела относились к компетенции общих народных судов, где были организованы специальные составы судей (предварительное и судебное следствие вел судья).

Предусматривалось создание реформаториев для помещения в них несовершеннолетних в качестве воспитательной меры.

Однако в 1922 г. произошло усиление карательной политики в отношении несовершеннолетних. УК РСФСР 1922 г. в ст. 18 уравнил взрослых и несовершеннолетних преступников в возрасте от 16 до 17 лет в одинаковом применении к ним видов уголовных наказаний вплоть до смертной казни. Однако в ст. 33 УК РСФСР было указано, что высшая мера наказания – расстрел – не может применяться к лицам, которым на момент совершения преступления не исполнилось 18 лет. УК РСФСР 1926 г. также исключил несовершеннолетних до 18 лет из числа лиц, к которым могла быть применена смертная казнь, как, впрочем, и УК РСФСР 1960 г. (ст. 23), УК РФ 1997 г. (п. 2 ст. 59).

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что в 20-е годы прошлого столетия вновь произошла переориентация законодательства на судебные формы борьбы с преступностью, тем не менее анализ последующих правовых актов 30–40-х годов выявляет отчетливую тенденцию карательной переориентации правосудия в отношении несовершеннолетних.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» снизило возраст уголовной ответственности по ряду составов преступлений до 12 лет. Восстановлен принцип применения к несовершеннолетним всех видов наказаний, несмотря на то что ст. 22 УК РСФСР установила запрет применения высшей меры наказания к несовершеннолетним, на практике применялось именно указанное постановление. Судебная практика тех времен свидетельствует о том, что высшая мера наказания – расстрел – применялась к несовершеннолетним в отдельных случаях на основании правоприменительных указов Президиума Верховного Совета СССР о разовом применении высшей меры наказания [2, с. 48].

В 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О применении судами Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. „О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних“», который распространил действие постановления на преступления, совершенные по неосторожности.

Рассмотренные законодательные и правоприменительные акты определили карательную ориентацию правосудия в отношении несовершеннолетних на длительный период – с 1935 г. до конца 1950-х годов. Они утратили силу в связи с принятием нового уголовного законодательства СССР и союзных республик в 1958–1961 гг. В УПК РСФСР 1960 г. отсутствовали особые указания о специализации судей. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» и постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних» рекомендовано избирать народных заседателей из числа педагогов и иных лиц, имеющих опыт в воспитании молодежи. Так обеспечивалась социальная насыщенность правосудия по делам несовершеннолетних. После 1918 г. историю правосудия по делам несовершеннолетних можно разделить на следующие этапы: первый (1918–1935 гг.) – формирование двух параллельно существующих систем рассмотрения дел, касающихся прав и интересов несовершеннолетних, – административной (КДН) и судебной (в лице специальных составов общих судов); второй (1935–1951 гг.) – преобладание карательной направленности в области борьбы с преступностью несовершеннолетних.

Таким образом, после Октябрьской революции произошло резкое снижение гарантий прав детей и подростков [4, с. 17]. В связи с тем что в первых заседаниях комиссий по

делам несовершеннолетних участвовали в основном лица, не имевшие юридического образования, снизился юридический уровень защищенности несовершеннолетних, который не преодолен до настоящего времени. Комиссии не имели собственных средств и методов борьбы с преступлениями несовершеннолетних, поэтому была введена подсудность тяжких преступлений несовершеннолетних народному судье, действовавшему по предписаниям административного органа. Усиление уголовной политики в отношении несовершеннолетних, направленной исключительно на наказание, привело к значительному снижению гарантий прав личности в уголовном процессе. Таким образом, ликвидацией «детских» судов начала XX в. правосудию по делам несовершеннолетних был нанесен существенный урон. В период реформы советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства (1959–1961 гг.) делались попытки создать модель правосудия, отражающую его специфику по отношению к несовершеннолетним. В первые годы после реформы этот замысел реализовывался (создавались дополнительные гарантии прав личности, специализация судей, прокуроров, следователей). Однако в дальнейшем изменения в законодательстве не позволили развиваться модели ювенальной юстиции и правосудие осталось обычным общеуголовным. Комиссии по делам несовершеннолетних были переданы дела о малозначительных правонарушениях несовершеннолетних и об общественно опасных деяниях лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, что было типичным длительное время для судебной практики. Орган, выполнявший, по сути, административные функции, вытеснил суд [1, с. 58]. Комиссии были наделены функциями разбирательства дел о правонарушениях несовершеннолетних и принятия решений, имеющих серьезные юридические последствия для несовершеннолетних. Одновременно с этим для комиссий нормативным актом предусматривался широкий спектр профилактических досудебных и даже несудебных акций. Отметим, что в Положении о комиссиях по делам несовершеннолетних большое внимание было уделено карательной функции, она и развивалась больше всего. Охранительно-профилактическая функция превратилась в фикцию. Низкий уровень профессионализма состава комиссий по делам несовершеннолетних оценивался всеми исследователями этого института как серьезный недостаток, ведущий к нарушению прав несовершеннолетних [5, с. 99]. В настоящее время действует Федеральный закон «О государственной системе органов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», где комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав определена главенствующая роль, они наделяются достаточно широкими полномочиями, что отрицательно сказывается на защите прав несовершеннолетних.

Следует отметить, что в СССР проблема социализации несовершеннолетних была объектом пристального внимания различных исследователей (В. И. Файнберг, Л. В. Мичурин, Е. А. Русанова, В. М. Сидорова и др.). Изучалась социализация как осужденных в местах лишения свободы, так и трудновоспитуемых несовершеннолетних. Были предложены различные меры: обследования жизни, работы, учебы несовершеннолетнего на предмет выявления причин и условий, способствовавших вовлечению в совершение противоправных деяний, с привлечением общественности (например, по поручению следователя); создание института общественных воспитателей; помощь педагогов в учебе педагогически запущенных детей; шефская помощь, которая включала в себя проведение совместного досуга, приобщение к труду, привитие любви к книге, развитие культуры чтения, преодоление конфликтов во взаимоотношениях с окружающими; помощь комсомольских отрядов, студентов. Указывались также недостатки системы шефской помощи, главным из которых была формальность, так как данные

лица и организации не были заинтересованы в социализации трудных подростков и не выполняли возложенных на них обязанностей. Опыт применения реабилитационных средств в процессе исполнения приговора описан А. П. Михайловым [6, с. 49]. К середине 1980-х годов было признано, что действовавшая система исправления и перевоспитания осужденных в условиях ВТК не обеспечивает цели возвращения обществу социально полезных граждан, не соответствует реальному уровню преступности несовершеннолетних и проводимой уголовной политики [10, с. 11]. Таким образом, проблема возвращения несовершеннолетнего в общество существовала как до 1917 г., так и после [3, с. 17]. Упразднение специализированных «детских» судов и введение комиссий по делам несовершеннолетних не принесло ожидаемых результатов. Деятельность комиссий оказалась неэффективной, а опыт существования суда не таким продолжительным, чтобы получить устойчивые результаты снижения преступности несовершеннолетних. Следовательно, на основании имеющегося опыта функционирования судов по делам несовершеннолетних можно сделать вывод о том, что введение судов по делам несовершеннолетних на территории Российской Федерации помогло бы качественно изменить ситуацию в сторону улучшения и снижения уровня преступности несовершеннолетних за счет их успешной социализации.

Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. В России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы [11, с. 125].

Конституционное закрепление норм международного права как части правовой системы России послужило стимулом к развитию российского законодательства, воспринявшего принципы и нормы международного права. В настоящее время еще не сформировалась правоприменительная практика, соответствующая требованиям УК РФ и международным стандартам отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, но появилась потребность в создании автономной системы правосудия в отношении несовершеннолетних в целях наиболее полной и эффективной защиты их прав, свобод и интересов.

Таким образом, опираясь на имеющийся положительный опыт существования автономного «детского» суда в России, следует сделать вывод о том, что его ликвидацией был нанесен урон правосудию. Отсутствие судебного органа отрицательно отразилось на защите прав и интересов несовершеннолетних, поскольку работа заменявших органов не могла обеспечить юридические гарантии несовершеннолетнему и отличалась формальностью и незаинтересованностью в судьбе несовершеннолетнего правонарушителя (преступника). Очевидно, что для оптимизации системы правосудия по делам несовершеннолетних важно было пресечь вытеснение суда комиссиями по делам несовершеннолетних. Следует учесть этот опыт, поскольку в России не существует автономной системы специальных судов по делам несовершеннолетних. Законодательство должно освободиться от карательного уклона, обратиться к нуждам как несовершеннолетних преступников, так и их жертв. Важно создание такого законодательного механизма, который был бы в состоянии избавить комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также другие органы и лиц, призванных обеспечивать защиту прав и интересов несовершеннолетних, от формального подхода. Соответственно должна быть создана единая система органов ювенальной юстиции с четким определением механизма координации действий между собой, в том числе по вопросам, связанным

с исполнением наказаний в отношении несовершеннолетних (например, при изменении условий отбывания наказания [8, с. 64]). Очевидно, для этого необходимо время и, возможно, переворот в сознании правоприменителей. Если бы в России ювенальная юстиция сохранилась с присущими ей особенностями, то нам было бы легче войти в современную систему международно-правовых норм правосудия по делам несовершеннолетних. Однако, в связи с тем что Россия не имеет подобного опыта эволюции системы ювенальной юстиции и соответственно опыта эволюции суда по делам несовершеннолетних, многое необходимо взять на вооружение из опыта зарубежных стран. В мире существует большое разнообразие судов по делам несовершеннолетних, судов по делам семьи и молодежи, семейных судов, в мировой практике имеется также опыт семейных конференций и других способов альтернативного правосудия.

Библиографический список

1. Гернет М. Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России. М., 1924. 147 с.
2. Кабилова С. А., Штыкова Н. Н. Суды по делам несовершеннолетних в США, Англии и России: сравнительно-правовой анализ : учеб. пособие. Муром, 2000. 221 с.
3. Кудрявцева Г. А., Мустаева Ф. А., Орлова Г. В. Проблема безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних в современной России : учеб.-метод. пособие для студентов. Магнитогорск, 2001. 33 с.
4. Мельникова Э. Б. Из истории российской ювенальной юстиции // Правозащитник. 1998. № 3. С. 86–92.
5. Мельникова Э. Б. Судебная реформа в России и проблема правосудия по делам несовершеннолетних // Судебная власть: надежды и реальность : сб. науч. ст. М., 1993. 174 с.
6. Михайлов А. П. Система средств исправления осужденных несовершеннолетних в процессе исполнения приговора. М., 2001.
7. Пудовочкин Ю. Е. Ювенальное уголовное право: концепция, история, современность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2002. 40 с.
8. Рябых С. Б. Актуальные проблемы правового регулирования исполнения и отбывания уголовного наказания в отношении осужденных, содержащихся в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 63–66.
9. Стародубцев Ю. И. Особые суды для несовершеннолетних в России: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 178 с.
10. Скрыльников К. А. Назначение и исполнение уголовных наказаний, соединенных с изоляцией, в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 22 с.
11. Нуждин А. А. Структура тактических операций, проводимых в целях пресечения преступлений с использованием телекоммуникационных систем в исправительных учреждениях // Закон и право. 2016. № 10. С. 125–126.

УДК 343.8

ОКСАНА НИКОЛАЕВНА ЯКОВЛЕВА,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела изучения
отечественного и зарубежного опыта, истории УИС,
сравнительного анализа пенитенциарного законодательства,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕДАЧИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В ВЕДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Для цитирования

Яковлева, О. Н. Историко-правовые аспекты передачи пенитенциарной системы в ведение Министерства юстиции Российской империи / О. Н. Яковлева // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 25–30.

Аннотация. В 2018 г. исполняется 20 лет с момента передачи уголовно-исполнительной системы в ведение Министерства юстиции Российской Федерации. Это является хорошей возможностью обратиться к историческому опыту правового и научного решения данного вопроса в период Российской империи, а именно к 1895 г. – времени первой передачи пенитенциарной системы в ведение Министерства юстиции. Переход тюремной системы под юрисдикцию Министерства юстиции создал благоприятные условия для преодоления кризисного состояния тюремной системы. В лице министра юстиции объединялись два важнейших начала, необходимые для исполнения наказания в виде лишения свободы, гуманизации тюрьмы: проведение тюремной реформы и создание новой законодательной базы. Пенитенциарная политика по исполнению уголовных наказаний на новом этапе ее проведения становится более сбалансированной. Это проявляется в координации действий между различными правоохранительными органами: судом, прокуратурой, тюремной инспекцией, полицией, попечительными комитетами в интересах правильного применения закона, а также создания условий для исполнения наказаний.

Ключевые слова: Министерство юстиции Российской империи, Министерство внутренних дел Российской империи, тюремная реформа, Главное тюремное управление, пенитенциарная система.

Ведомственная принадлежность пенитенциарной системы менялась неоднократно: до 1895 г. – управление тюремной системой осуществляло Министерство внутренних дел Российской империи; 1895–1922 гг. – Министерство юстиции Российской империи

(Народный комиссариат юстиции РСФСР); 1922–1953 г. – Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (Министерство внутренних дел СССР); 1953–1954 г. – Министерство юстиции СССР; 1954–1998 г. – Министерство внутренних дел СССР (Министерство внутренних дел РФ); 1998 г. – по настоящее время – Министерство юстиции Российской Федерации.

Изменение ведомственной принадлежности отечественных пенитенциарных учреждений вызывало и вызывает много споров, вопросов, суждений и даже опасений со стороны не только ученых и практиков, но и широких слоев населения, по тем или иным причинам весьма заинтересованно относящихся к этому процессу. Проблемы, связанные с переходом уголовно-исполнительной системы в Министерство юстиции РФ, с точки зрения государственной политики, права, оценки общественного мнения и собственных наблюдений серьезно анализировались заслуженным деятелем науки РСФСР, доктором юридических наук, профессором А. И. Зубковым. Исходя из анализа сложившихся в обществе стереотипов и отношений к уголовно-исполнительной системе, как несшей в себе исключительно карательный подход к осужденным, он пришел в выводу о том, что актуальная и масштабная задача по воспитанию и формированию персонала уголовно-исполнительной системы, способного адекватно воспринимать мировые стандарты обращения с осужденными, свидетельствовала о назревшей необходимости передачи системы именно Министерству юстиции [1, с. 347]. Кроме того, А. И. Зубков называет еще одно существенное обстоятельство, способствовавшее решению власти о смене ведомственной принадлежности пенитенциарной системы, – опыт большинства зарубежных стран, где тюремные системы традиционно находятся в ведомстве юстиции: Канада, США, Япония, Франция, Бельгия, Финляндия.

Процесс передачи пенитенциарной (уголовно-исполнительной) системы из одного ведомства в другое на различных исторических этапах предполагал решение множества самых разнообразных вопросов политического, экономического, правового, организационно-распорядительного и научного характера. И в настоящее время высказываются мнения о том, что вопрос ведомственной принадлежности уголовно-исполнительной системы не является окончательно решенным, более того, сохраняет свою актуальность предложение о выделении этой структуры в самостоятельное ведомство.

Первое в истории отечественной пенитенциарной системы решение власти о смене ее ведомственной принадлежности имеет свою историю, связанную с многочисленными проектами тюремного реформирования первой половины XIX в. Важно отметить, что концепцией пенитенциарной политики предусматривалось всестороннее реформирование тюремной системы в первую очередь путем коренной реорганизации системы управления пенитенциарными учреждениями. Вопрос же ведомственной принадлежности данной структуры не являлся основным, более важным и юридически сложным представлялось решение задач по сосредоточению всех направлений деятельности пенитенциарных учреждений империи в одном органе, определении его статуса, а уж затем ведомственности.

28 февраля 1877 г. для окончательного рассмотрения вопроса о тюремном преобразовании при Государственном Совете была учреждена Комиссия о тюремном преобразовании в империи, возглавил ее К. К. Грот. Перед комиссией в том числе стояла задача подготовить обоснованное решение о сосредоточении управления пенитенциарными учреждениями в одном ведомстве. Исходя из опыта иностранных государств Комиссия отмечала, что выбор может быть одинаково сделан между министерствами юстиции и внутренних дел.

В качестве первоочередных мер К. К. Грот предложил обособить тюремное ведомство из состава Министерства внутренних дел в самостоятельное и придать его начальнику права министра. Комиссия следующим образом сформулировала полномочия центрального тюремного управления: «В составе Министерства внутренних дел необходимо учредить... особый орган, предоставив ему... принятие необходимых мер к осуществлению тюремной реформы. Орган этот должен находиться под управлением лица, назначаемого Именным высочайшим указом, по представлению министра внутренних дел, и может быть наименован в соответствии с другими учреждениями, состоящими при Министерстве на особых правах... – «Главное тюремное управление», а лицо, заведующее им: „Начальник Главного тюремного управления“» [2].

13 декабря 1895 г. Высочайшим указом Правительствующего Сената «тюремная часть» от Министерства внутренних дел была передана Министерству юстиции. По словам С. К. Гогеля, с этого момента тюремное дело стало родным для русских судебных деятелей, но и прежде оно было близко их сердцу, в особенности со времени введения Судебных уставов 1864 г., воспитавших новое поколение юристов-криминалистов, шире, глубже и вдумчивее относящихся к задачам уголовного правосудия [3, с. 3].

Обращаясь к содержанию этого документа, можно назвать следующие причины передачи тюрем в ведение Министерства юстиции. Во-первых, отдавая дань Министерству внутренних дел в преобразовании центрального управления тюремной системой и упорядочении различных сторон ее деятельности, отмечалось, «что предпринятое ранее преобразование (*учреждение в 1879 г. Главного тюремного управления*) (курсив наш. – О. Я.) не может считаться завершенным», что фактически означало необходимость продолжения реформы, поскольку «...существовавшие условия содержания заключенных требовали во многом изменений, в том числе и в связи с осуществлявшимся общим пересмотром уголовных законов, с тем чтобы лишение свободы во всех его видах успешнее достигало поставленных задач – ограждение общества от порочных и опасных членов и нравственное исправление преступников». Во-вторых, «для надлежащего с этой целью сближения тюремного дела, в его законодательной постановке и практическом осуществлении с важнейшими интересами уголовного правосудия представляется благовременным объединить заведывание местами заключения с управлением судебным». В-третьих, «ввиду крайней обширности и многообразия предметов ведения Министерства внутренних дел, признав за благо освободить его от управления тюремной частью и вверить попечение о ней министру юстиции, как главе судебного ведомства». Конечно, не последнюю роль сыграла значительная загруженность Министерства внутренних дел. При этом необходимо отметить, что мысль о нецелесообразности смешивать полицейскую деятельность с пенитенциарной вынашивалась правительством уже не одно десятилетие. Еще М. М. Сперанский обозначил всего четыре «предмета», находящихся в ведении исполнительной полиции: 1) обнародование законов, «к общему исполнению принадлежащих»; 2) приведение их в исполнение; 3) обладание принудительной силой; 4) подчинение себе всех граждан, «яко обывателей известного места» [4, с. 132].

Несмотря на мнения представителей пенитенциарной науки и юридической практики о надуманности и бесполезности переподчинения тюремной системы Министерству юстиции, этот шаг представлялся вполне рациональным и логически вытекающим из контекста тюремной реформы. Прежде всего теория уголовного права и тюремоведение XIX столетия уже исходили из классического понимания назначения наказания, в том числе лишения свободы, как исключительной сферы деятельности юстиции. Это положение нашло свое отражение и в тексте Указа от 13 декабря 1895 г.: «Для надле-

жащего... сближения тюремного дела... с важнейшими интересами уголовного правосудия...». Мы разделяем точку зрения В. И. Алексеева, согласно которой передача тюрем в ведение Министерства юстиции с 1895 г. с теоретической точки зрения являлось шагом вперед в вопросе постановки тюремного дела вообще. Сфера применения наказания к преступнику связана с административным органом, а назначаемое наказание – с судом [5, с. 215].

Идею сосредоточения управления пенитенциарной сферой в одном министерстве и именно в Министерстве юстиции поддерживал и С. В. Познышев. Он отмечал, что «тесная связь тюремного дела с деятельностью судебных учреждений делает вполне естественным объединение тюремного ведомства с судебным в недрах одного министерства. Такое объединение отвечает и начинающему проявляться в современном праве общему стремлению сблизить суд с исполнением наказаний. Несомненно, желательнее, чтобы высшее руководство исполнением наказаний принадлежало тому же министерству, в котором сосредоточены надзор за судебными установлениями и руководство, в указанных законом пределах, их деятельность» [6, с. 230].

Стремление сблизить суд с процессом исполнения наказаний, о котором высказывался С. В. Познышев, наиболее рельефно проявилось во Франции во второй половине XIX в. Практика нахождения французской пенитенциарной системы в ведении Министерства внутренних дел часто вызывала серьезную критику со стороны многих криминалистов, настаивавших на передаче пенитенциарной сферы в ведение Министерства юстиции (любопытно, что французская тюремная система успела побывать даже в ведении Министерства торговли по закону от 17 марта 1831 г.). Одним из горячих сторонников необходимости присоединения тюремного ведомства к Министерству юстиции являлся Н. Паско. По его убеждению, передача способствовала бы улучшению организации тюремного управления и стала бы необходимым условием успешного управления уголовного правосудия. Здравый смысл требует, чтобы та власть, которая определяет наказание, следила также за его исполнением в течение всего того времени, пока осужденный его отбывает. Кроме того, по мнению Н. Паско, в пользу такой передачи говорило еще одно важное обстоятельство, а именно многочисленность функций и чересчур обширная компетенция Министерства внутренних дел, что фактически было сходно с ситуацией в Российской империи [7, с. 150]. Весьма близким по содержанию с вышеизложенными позициями является и мнение И. Я. Фойницкого, считавшего, что «связь тюремных учреждений с судебными гораздо ближе, чем с административными», отсюда следует, что «исправительные учреждения как органы исполнения судебных приговоров стоят ближе к той власти, делу которой непосредственно призвана служить, чем ко всякой другой» [8, с. 257].

Несколько запоздалое включение тюремного ведомства в состав Министерства юстиции связано, с одной стороны, с экстренным, вызванным чрезвычайными обстоятельствами порядком образования Главного тюремного управления, а с другой – опасением передать тюремную систему в момент непосредственного реформирования другому министерству, не имеющему опыта работы в этой сфере. Такое действие осложнило бы и так с трудом реализуемую тюремную реформу, и только после выполнения основного объема работ по реформированию переподчинение стало возможным. Однако даже после смены ведомственной принадлежности пенитенциарной системы полностью связь Министерства внутренних дел с тюремными учреждениями не прервалась, поскольку общность решаемых задач предполагала их довольно тесное и постоянное взаимодействие [9, с. 253].

По мнению А. П. Печникова, перевод Главного тюремного управления из Министерства внутренних дел в Министерство юстиции имел и более глубокие причины политического характера, которые власти не афишировали по известным соображениям. Среди них на первый план выдвигается стремление царизма сделать из Министерства внутренних дел аппарат, направленный прежде всего на оперативное искоренение политической, а затем уже и уголовной преступности.

Нельзя игнорировать и тот факт, что работа по изучению и обобщению опыта функционирования отечественных тюремных учреждений шла параллельно с изучением теории и практики деятельности зарубежных пенитенциарных систем европейских государств. В соответствии с решением Государственного Совета от 18 августа 1862 г. министерствам внутренних дел и юстиции предложено было изучить зарубежный опыт, обращая внимание не только на виды учреждений, исполняющих наказания, но и на органы управления ими и их ведомственную принадлежность. Анализ показывал, что ряд стран свои тюремные системы относил к юрисдикции Министерства внутренних дел (Англия, Ирландия, Шотландия, Франция, Италия), в других государствах эта юрисдикция разделялась между Министерством внутренних дел и Министерством юстиции (Пруссия) и в ряде государств относилась к ведомству Министерства юстиции (Австрия, Нидерланды, Норвегия, Бельгия, Дания, Голландия). Существовала еще одна модель управления, в соответствии с которой управление местами заключения принадлежало совершенно самостоятельному ведомству, уравненному в своих правах с прочими министерствами (Швеция).

Министр юстиции, став во главе тюремного ведомства, автоматически получал звание президента Общества попечительного о тюрьмах. Однако непосредственное управление этой сферой, впрочем, как и ранее, продолжали осуществлять Главное тюремное управление и Совет по тюремным делам. При этом необходимо отметить, что Совет по тюремным делам к этому времени фактически уже не действовал, поскольку был полностью заменен Главным тюремным управлением. Роль Совета была номинальной, все функции этого экспертно-совещательного органа взяло на себя управление, упразднив Совет фактически, но не юридически. Начальник Главного тюремного управления по-прежнему назначался именным высочайшим указом Правительствующего Сената, но по представлению министра юстиции. Полномочия начальника Главного тюремного управления не изменились.

Главное тюремное управление по-прежнему сохраняло свою самостоятельность в структуре Министерства юстиции так же, как и ранее в системе Министерства внутренних дел. Например, когда в Москве в 1896 г. проводился IV съезд представителей русских исправительных заведений, то Министерство юстиции и Главное тюремное управление официально представляли различные должностные лица. Деятельность Главного тюремного управления была настолько специфичной, что министр юстиции, как и министр внутренних дел, по-прежнему осуществлял свои полномочия в отношении пенитенциарной сферы опосредованно, практически не вмешиваясь в существование пенитенциарных вопросов.

Таким образом, переход тюремной системы под юрисдикцию Министерства юстиции создал благоприятные условия для преодоления кризисного состояния тюремной системы. В лице министра юстиции объединялись два важнейших начала, необходимые для исполнения наказания в виде лишения свободы, гуманизации тюрьмы: проведение тюремной реформы и создание новой законодательной базы. Пенитенциарная политика по исполнению уголовных наказаний на новом этапе ее проведения становится более

сбалансированной. Это проявляется в координации действий между различными правоохранительными органами: судом, прокуратурой, тюремной инспекцией, полицией, попечительными комитетами в интересах правильного применения закона, а также создания условий для исполнения наказаний.

Библиографический список

1. Сборник избранных трудов доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР А. И. Зубкова : в 4 ч. / сост. В. И. Зубкова, Б. Б. Казак, Ю. В. Лукина, А. В. Паршков, И. Н. Смирнова. Псков, 2010. Ч. 2. 686 с.

2. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 89. Л. 751.

3. Гогель С. К. Арестантский труд в русских и иностранных тюрьмах. СПб., 1897.

4. Сперанский М. М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905. 359 с.

5. Алексеев В. И. Пенитенциарная политика России во второй половине XIX – начале XX века : монография. Тюмень, 2008. 396 с.

6. Познышев С. В. Очерки тюремоведения. М., 1915. 295 с.

7. О передаче тюремного управления во Франции в ведение Министерства юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 9–10. С. 149–150.

8. Фойницкий И. Я. На досуге : сб. юрид. ст. и исслед. с 1870 года : в 2 т. СПб., 1900. Т. 2. 578 с.

9. Петренко Н. И. Становление и развитие уголовно-исполнительной системы России : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. 517 с.

УДК 343.82

ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА ПОПОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Российский государственный университет правосудия,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: anatelsvetjen@mail.ru

РЕАЛИЗУЕТСЯ ЛИ ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ К ОСУЖДЕННЫМ, ОТБЫВАЮЩИМ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ?

Для цитирования

Попова, Е. Э. Реализуется ли общественное воздействие как средство исправления к осужденным, отбывающим наказание в виде пожизненного лишения свободы? / Е. Э. Попова // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 31–33.

Аннотация. Рассматривается проблема участия общественных организаций в процессе исправления осужденных к пожизненному лишению свободы, проводится сравнительный анализ правового закрепления общественного воздействия как основного средства исправления осужденных, применяемого к любому виду уголовного наказания, и выделяется специфика его применения к осужденным, отбывающим наказание в виде пожизненного лишения свободы. Основываясь на результатах опроса, проведенного Х. Т. Мадаевым, делается вывод о том, что общественное воздействие как средство исправления указанной категории осужденных реализуется в усеченном виде, хотя имеет хорошие перспективы для более широкого применения.

Ключевые слова: исправление, общественное воздействие, осужденный, уголовное наказание, пожизненное лишение свободы, исправительные учреждения.

Современный период развития науки и практики уголовно-исполнительного права характеризует острая полемика, развернувшаяся вокруг понятия «исправление осужденных», а также применения к осужденным средств, обеспечивающих результат его достижения. Средства исправления осужденных выступают правовым инструментарием, применение которого обуславливает возможность влияния на личность и поведение осужденного с целью его позитивного изменения. В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ) средства исправления осужденных находятся в Общей части, следовательно, законодатель определяет возможность и необходимость их применения независимо от вида уголовного наказания.

Набор средств исправления, который возможно применить к осужденному, индивидуален и зависит от многих факторов: уровня образования осужденного, продолжи-

тельности или наличия трудовой деятельности, условий воспитания, круга общения, вида и размера назначенного наказания, отношения осужденного к совершенному им преступлению и причиненному вреду и т. п.

В системе средств исправления законодатель предусмотрел общественное воздействие как элемент, обеспечивающий возможность привлечения представителей общественности к процессу исправления осужденных.

Возможна ли реализация общественного воздействия к осужденным, отбывающим наказание в виде пожизненного лишения свободы? Условия отбывания наказания осужденных к пожизненному лишению свободы качественно отличаются от условий отбывания наказания осужденными к лишению свободы на определенный срок в исправительных колониях особого режима. В колониях особого режима для пожизненного лишения свободы осужденные размещаются покамерно. По прибытии они все помещаются в строгие условия отбывания наказания, на которых находятся не менее 10 лет (ч. 3 ст. 127 УИК РФ), после чего могут быть переведены в более мягкие, обычные условия. Как отмечает С. В. Москвин, в ст. 82–102 гл. 12, 13 УИК РФ для всех видов исправительных учреждений сформулированы режимные требования, средства его обеспечения, условия отбывания наказания, которые носят общий характер. Только ст. 126, 127 УИК РФ, регулирующие особенности порядка и условий отбывания лишения свободы в колониях особого режима для осужденных пожизненно, имеют адресный характер [1]. Такие требования режима не могут не сказаться на практике применения средств исправления, включая общественное воздействие.

С одной стороны, представители общественности наделены достаточно широкими полномочиями в процессе исправления осужденных. Так, приказ Минюста России от 25 декабря 2009 г. № 435 «Об образовании Общественного совета при Минюсте России» обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации с указанным ведомством в целях обеспечения защиты их прав и законных интересов, а также общественных объединений, в том числе в целях осуществления общественного контроля над деятельностью министерства. При Федеральной службе исполнения наказаний и территориальных органах созданы и успешно работают общественные советы, в составы которых входят члены местных отделений Российского Красного Креста, Попечительского совета УИС, Союза казаков России и т. д.

С исправительными учреждениями взаимодействуют различные общественные организации, в числе которых правозащитные, творческие организации и объединения, благотворительные фонды и т. п. За последние годы накоплен значительный опыт такой деятельности.

С другой стороны, более строгие требования режима отбывания наказания к осужденным к пожизненному лишению свободы значительно сужают практику привлечения общественных образований к процессу исправления осужденных. Практика показывает, что общественное воздействие реализуется и в колониях особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы. Одно из направлений в работе с осужденными – это духовно-нравственное воспитание осужденных, осуществляемое религиозными организациями в порядке обеспечения права на вероисповедание и отправление религиозных обрядов. Так, с исправительными колониями работают представители Русской православной церкви, ислама. По местным каналам транслируются проповеди, священнослужители рассказывают о сущности веры, поздравляют с религиозными праздниками, библиотеки исправительных учреждений постоянно пополняются религиозной литературой. Религиозные организации активно участвуют в решении проблем ресоциализации осужденных, поскольку это направление деятельности не может игнорироваться в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы,

так как законодательно им предоставлена возможность подавать ходатайство о применении к ним условно-досрочного освобождения после отбытия не менее двадцати пяти лет (ч. 5 ст. 79 УК РФ).

С ФКУ ИК-2 ГУФСИН России по Пермскому краю сотрудничают на постоянной основе 4 священнослужителя Русской православной церкви, которые осуществляют духовное наставничество и общение с осужденными. По мнению А. Альтмарка, в колонии содержатся люди, которые совершили много греховных поступков. Для таких людей вера остается последним спасением в их жизни [2].

Второе направление общественного воздействия, которое применяется к осужденным к пожизненному лишению свободы, это обеспечение прав и законных интересов посредством осуществления общественного контроля.

Общественный контроль реализуется на основании Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», а также Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Общественные наблюдательные комиссии ведут постоянный мониторинг соблюдения прав осужденных к пожизненному лишению свободы, осуществляют выезды в колонии. Как видно, общественное воздействие имеет достаточно усеченный вид и такого взаимодействия явно недостаточно. Как указывает в своем исследовании Х. Т. Мадаев, на вопрос: «Помогает ли Вам общественность (общественные наблюдательные комиссии, правозащитные организации, священнослужители и др.) переносить тяготы и лишения строгих условий особого режима?» – только 22 % осужденных к пожизненному лишению свободы ответили положительно, 31 – отрицательно, а 51 % – считают такую помощь частичной. Респонденты из числа сотрудников данных учреждений считают необходимым расширить практику участия общественности в жизни осужденных (82 %) [3, с. 124]. Безусловно, такая практика должна расширяться и иметь возможности наработки определенного опыта с данной категорией осужденных, поскольку численность их в дальнейшем будет сохранять тенденцию увеличения.

Перспективным направлением участия общественности может стать организация кружковой работы с осужденными с применением дистанционных технологий, а также личного посещения для проведения мастер-классов, что будет способствовать развитию у них трудовой досуговой деятельности. Необходимо поддержание социальных связей осужденных с родными и близкими людьми посредством проведения видеобщений с использованием Skype-связи вместо телефонного разговора. Для реализации этого нужно внести изменение в УИК РФ, где закрепить возможность замены телефонного разговора видеосвязью для осужденных к пожизненному лишению свободы, поскольку для данной категории осужденных любое общение с внешним миром может стать смыслом их жизни и серьезным стимулом для ее переосмысления.

Библиографический список

1. Москвин С. В. Нормативное обеспечение исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 2–5. С. 181–183.
2. В «Белом лебеде» священники врачуют души осужденных. URL : http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=5065&sphrase_id=1061951 (дата обращения: 18.12.2017).
3. Мадаев Х. Т. Институты гражданского общества и исправление осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы // Юрист-Правоведь. 2012. № 1(50). С. 122–125.

УДК 343.85

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА ХАРИТОНОВИЧ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: kattusha1992@rambler.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С НАЛИЧИЕМ РАЗЛИЧНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ У ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЮ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Для цитирования

Харитонович, Е. Д. Некоторые проблемы предупреждения повторных преступлений, возникающие в связи с наличием различных заболеваний у осужденных к наказанию в виде ограничения свободы / Е. Д. Харитонович // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 34–38.

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемы исполнения наказания в виде ограничения свободы в отношении больных осужденных и предупреждения совершения ими повторных преступлений, формулируются предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства, в том числе в части отнесения лечения к основным средствам исправления больных осужденных.

Ключевые слова: наказания без изоляции от общества, предупреждение повторных преступлений, уголовно-исполнительные инспекции, больные осужденные, инвалиды, ограничение свободы.

Согласно ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) целями уголовно-исполнительного законодательства являются: исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

В соответствии с Положением об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729, в качестве одной из основных задач уголовно-исполнительных инспекций выступает предупреждение повторных преступлений и иных правонарушений среди осужденных без изоляции от общества. Таким образом, уголовно-исполнительные инспекции выполняют предупредительные функции посредством осуществления контроля за поведением осужденных без изоляции от общества.

Предотвратить совершение осужденным повторного преступления возможно с помощью индивидуальной профилактики осужденных, которые намерены продолжать антиобщественный образ жизни, совершать правонарушения, и воздействия на них в целях предупреждения преступлений. Возможность совершения новых правонарушений

обусловлена тем, что осужденный находится по месту своего жительства (пребывания) и имеет возможность свободно передвигаться и общаться с различными лицами, в том числе имеющими криминальную направленность.

Результаты рассмотрения исполнения наказания в виде ограничения свободы свидетельствуют о наличии ряда проблем. Особенно такие проблемы проявляются при исполнении ограничения свободы в отношении такой специфической категории лиц, как больные осужденные.

Для обеспечения дистанционного надзора за осужденными к ограничению свободы, а также для осуществления контроля за выполнением ими предписанных ограничений путем индивидуальной идентификации и контроля местонахождения в установленных местах используются электронные средства надзора и контроля, совокупность которых составляет систему электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) ФСИН России. С помощью электронных средств надзора и контроля обеспечивается не только применение средств исправления осужденных, но и предупреждение совершения ими новых преступлений.

Однако возможна ситуация, когда к осужденному к ограничению свободы, имеющему группу инвалидности, по противопоказанию врача нельзя применять контрольные устройства. Например, осужденному А. было установлено ограничение «не посещать места распития алкогольной продукции, а также кафе, бары, рестораны, находящиеся на территории муниципального образования п. Р-ска», а также ограничение «не покидать жилище по адресу: п. Р-ск, ул. А-я, д. 1, кв. 1 в период с 22:00 до 06:00». В то же время осужденный А. в связи с наличием у него определенных заболеваний имеет II группу инвалидности и противопоказание к применению к нему контрольных устройств. В связи с тем что аудиовизуальные, контрольные и иные технические средства надзора и контроля в отношении осужденного применены быть не могут, а также предполагая, что контроль за его поведением со стороны уголовно-исполнительной инспекции осуществляется не в полном объеме (без использования контрольных устройств), и в связи с криминальной направленностью и склонностью к криминальному поведению осужденный А. в нарушение установленных ему ограничений покинул свое место жительства после 22:00 и вместе со своими друзьями стал распивать спиртные напитки в одном из кафе. Вскоре произошла драка с нанесением одному из посетителей кафе ножевого ранения, ввиду чего осужденный А. стал субъектом нового преступления. Можно предположить, что если к осужденному А. применялись контрольные устройства, то он побоялся бы допускать нарушения, установленные ему судом, и не покинул бы место своего жительства; возможно, это позволило бы избежать наступления и остальных последствий (посещение запрещенных для него мест, употребление спиртного и совершение нового преступления).

Таким образом, в связи с установленной осужденному инвалидностью и невозможностью применения к нему СЭМПЛ контроль за поведением осужденного, выполнением им установленных судом ограничений осуществлялся не в полном объеме, что непосредственно повлияло на эффективность исполнения установленных ему правоограничений и предупреждения совершения осужденным повторного преступления.

Как показывает практика, в процессе отбывания уголовных наказаний большинство осужденных, страдающих различными заболеваниями, не только не принимают активного участия в исправительном процессе, сознательно не прилагают усилий для личностных изменений своего здоровья, но и ведут правонарушающий образ жизни, а иногда, в силу психических отклонений, они своими действиями способствуют приобре-

тению болезней [1] (то есть наличие заболевания для них является выгодным. – *Примеч. авт.*). Применительно к исполнению ограничения свободы выгода заключается в том, что данной категории осужденных предоставляются различные льготы. Так, в период лечения осужденные не привлекаются к труду, не участвуют в различных воспитательных и профилактических мероприятиях (например, не являются в уголовно-исполнительные инспекции для регистрации) и пр. Таким образом, объем применяемых средств исправления к таким осужденным становится минимальным, что не соответствует целям уголовно-исполнительного законодательства.

В соответствии с ч. 2 ст. 9 УИК РФ основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие.

Остановившись на одном из средств исправления осужденных – общественно полезном труде, следует отметить, что труд осужденных способствует их ресоциализации и исправлению. Трудом осужденные искупают свою вину, при этом перестраивается психология их личности, развиваются социально значимые мотивы трудовой деятельности. Участие в труде развивает у осужденных волевые черты характера, нравственные потребности и интересы, у них формируется уважение к результатам труда других людей, воспитывается серьезное отношение к заработанным денежным средствам.

Рассматривая наказание в виде ограничения свободы, назначенное больным осужденным, которым по противопоказанию врача запрещена какая-либо трудовая деятельность, можно сделать вывод о том, что такое средство исправления, как общественно полезный труд, к данной категории осужденных не всегда применимо, следовательно, исправление таких осужденных происходит не так эффективно. Отсутствие постоянной работы и соответственно заработка не позволяет осужденным в должной степени возмещать ущерб, причиненный потерпевшим, оказывать материальную помощь своим семьям, покупать продукты питания, одежду и другие предметы.

Таким образом, труд сложно признать эффективным средством исправления осужденных к ограничению свободы, страдающих различными заболеваниями. Следует полагать, что если применить основные средства исправления осужденных (в частности, труд) не представляется возможным ввиду наличия того или иного заболевания у осужденного, то для такой категории лиц, как больные осужденные, должны быть другие средства их исправления.

По мнению А. П. Скибы, лечение должно стать приоритетным средством исправления больных осужденных, стимулировать занятие ими более активной позиции в процессе исполнения наказания, поскольку болезнь осужденного обычно негативно влияет на его поведение и затрудняет применение предусмотренных основных средств исправления [1, с. 12].

Добросовестное выполнение всех предписаний лечащего врача, посещение в назначенные сроки медицинских учреждений, а также своевременное обследование, бережное отношение осужденного к состоянию своего здоровья – все это свидетельствует о желании осужденного излечиться и соответственно должно положительно оцениваться и учитываться уголовно-исполнительными инспекциями при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Если осужденный уклоняется от лечения, не прилагает никаких усилий для изменения состояния своего здоровья в лучшую сторону и, более того, своими действиями умышленно способствует развитию или приобретению болезней, то следует полагать,

что это должно отражаться на его процессе отбывания наказания, чтобы болезнь перестала быть «выгодной» для него. Возможно, использование лечения в контексте исправления осужденных, наложение взысканий на них и т. д. способны будут повлиять на их отношение к своим заболеваниям и тем самым на сам процесс исправления таких осужденных.

Наряду с осуществлением контроля за осужденными к числу специально-криминологических мер предупреждения преступности относится воспитательное воздействие на правонарушителя [2, с. 274].

Что касается индивидуального воспитательного воздействия на осужденных к ограничению свободы, которое должно осуществляться с учетом особенностей личности, возраста, пола и иных психолого-педагогических особенностей осужденного, то, как показывает практика, наличие тяжелого заболевания у осужденного далеко не всегда принимается во внимание при организации исполнения этого наказания.

Учитывая тот факт, что работа с данной категорией осужденных проводится эпизодически (лишь во время явок осужденных на регистрацию, по вызову и при осуществлении различного рода проверок), а не ежедневно, как в местах лишения свободы, и в большей мере отсутствуют основания для поощрения осужденных без изоляции от общества, особенно если осужденный не учится и не работает (исключаются поощрения осужденных за добросовестное отношение к труду или учебе), то применение мер поощрения к данной категории осужденных – явление не такое уж и частое. Поскольку состояние здоровья осужденного не является основанием для его поощрения (ст. 57 УИК РФ), осужденному невыгодно улучшать (поддерживать) состояние своего здоровья, так как это не будет положительно оценено исправительным учреждением [3, с. 98].

Если такие основания имеются, то применить приведенный в ст. 57 УИК РФ перечень поощрений к осужденным, страдающим заболеваниями, либо к лицам, имеющим инвалидность, в полном объеме не всегда представляется возможным. Так, можно предположить, что у серьезно больного осужденного, не имеющего ранее наложенных взысканий, вряд ли есть возможность или желание (в силу наличия тяжелого заболевания) проведения выходных или праздничных дней либо отпуска за пределами соответствующего муниципального образования. Соответственно, кроме объявления благодарности, которая по сути своей никакой роли для самого осужденного не играет, сотрудники уголовно-исполнительной инспекции никаким другим способом поощрить его не могут.

Основанием применения взыскания к осужденному является нарушение им установленного порядка отбывания наказания. Однако законодатель не конкретизирует основания применения взысканий к осужденному. По всей видимости, подразумевается, что невыполнение любых обязанностей осужденного (в том числе не связанных с обеспечением состояния своего здоровья) должно влечь за собой наложение соответствующего взыскания [3, с. 98]. На практике меры взыскания к больным осужденным, не лишенным свободы, которые умышленно не прилагают усилий для выздоровления, игнорируют предписания врача и в некоторых случаях еще больше ухудшают свое здоровье (например, когда больной туберкулезом курит), не применяются.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство осужденных, имеющих различные заболевания, не привлечены к труду или учебе, а воспитательная работа с ними проводится в усеченном варианте, так как добросовестное отношение к состоянию здоровья не является поводом для их поощрения и соответственно «неинтересно» осужденным, а вот наличие заболевания, наоборот, выгодно, поэтому исправление осужденных, страдающих различными заболеваниями, должно осуществляться в том

числе с помощью лечения. Добросовестное выполнение всех предписаний лечащего врача, своевременное посещение осужденным медицинских учреждений могут говорить о неравнодушном отношении больного к своему состоянию здоровья и исправительно-му процессу, что определенным образом может повлиять на удержание осужденного от совершения повторного преступления.

Библиографический список

1. Скиба А. П. Исполнение уголовных наказаний в отношении больных осужденных: теоретико-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2013. 38 с.
2. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976. 286 с.
3. Крымов А. А., Скиба А. П. Исполнение лишения свободы в отношении больных осужденных : монография. Рязань, 2015. 257 с.

УДК 343.8

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ОГОРОДНИКОВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры управления и организации деятельности УИС,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ogorodnikov_v.i.@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Огородников, В. И. Организационное совершенствование деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы / В. И. Огородников // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 39–44.

Аннотация. В статье анализируются вопросы современного состояния исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, а также перспективы ее дальнейшего развития, предлагается ряд новых целей уголовно-исполнительной системы, сопряженных с вопросами совершенствования ее функционирования в современных реалиях.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, развитие, функционирование.

Сегодняшнее функционирование и деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) основаны на руководящих документах, а именно на постановлении Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 312, утвердившем государственную программу Российской Федерации «Юстиция», распоряжении Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, утвердившем Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, и на других нормативных документах Правительства Российской Федерации.

По состоянию на 1 июля 2017 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 617 191 чел. (–12 964 чел. к 1 января 2017 г.), в том числе:

в 714 исправительных колониях – 505 206 чел. (–14 285 чел.), из них:

в 126 колониях-поселениях – 33 957 чел. (+360 чел.);

6 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, – 2021 чел. (+16 чел.);

217 следственных изоляторах и 98 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях – 108 895 чел. (+1 591 чел.);

8 тюрьмах – 1 549 чел. (–156 чел.);

23 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 1 541 чел. (–114 чел.).

В состав УИС входят: 38 федеральных государственных унитарных предприятий, находящихся в ведении ФСИН России, 574 центра трудовой адаптации осужденных, 69 производственных мастерских [1].

После передачи УИС из МВД России в ведение Минюста России прошло более 19 лет, произошли некоторые изменения, в частности с 2010 г. предполагался переход от коллективной (отрядной) системы исполнения наказания в исправительных колониях различного вида содержания к тюремной (камерной). В первоначальном тексте Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предусматривалась замена существующей системы исправительных учреждений на два основных вида учреждений: тюрьмы различного режима (общего, усиленного и особого) и новые виды колоний-поселений (обычного и усиленного наблюдения) при сохранении учреждений, созданных для выполнения специальных задач, – лечебно-исправительных и лечебно-профилактических. Кроме того, предусматривалось преобразование воспитательных колоний для несовершеннолетних в воспитательные центры для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. Спустя некоторое время после принятия подобного нормативного акта стало ясно, что переход к новой системе исправительных учреждений в установленные сроки не состоится, поскольку создать 721 учреждение нового вида, в том числе 503 тюремных учреждения и 218 колоний-поселений нового типа в существующих экономических реалиях просто невозможно. На основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2015 г. № 1877-р «О внесении изменений в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» положения о реформировании существующей системы исправительных учреждений в тюрьмы и колонии-поселения нового типа и преобразовании воспитательных колоний в воспитательные центры полностью исключены из текста Концепции. В связи с этим возникают закономерные вопросы, нужна ли нам подобная перестройка вообще и почему все так происходит?

Ранее перед отечественной исправительно-трудовой системой стояли следующие основные задачи: *исполнение уголовного наказания; исправление; предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а также способствование искоренению преступности*. После преобразования системы в уголовно-исполнительную приведенные выше задачи трансформировались в цели законодательства.

До 50-х гг. XX в., в период восстановления из руин городов, заводов, фабрик, сел, каналов и т. д. после Великой Отечественной войны, велась масштабная лесные выработки, где с низкой механизацией производства без группы, коллектива людей сделать было ничего нельзя – один осужденный сделать ничего не мог. Думаем, что никто не будет отрицать очевидного: воспитание и попытки перевоспитания осужденных через трудовую деятельность – одна из наиболее подходящих на этом этапе форма. Иначе зачем нам все групповые и массовые формы воспитательной работы?

Почему мы никак не можем завершить процесс воспитания и перевоспитания в течение 80 лет? Да и сколько мы воспитали и перевоспитали? Почему хорошие начинания и поставленные задачи в XXI в. никак не дойдут до логического окончания и все процессы реформирования и развития ни к какому конкретному результату не приводят? В 2010 г. было решено снова реформировать УИС и в тексте Концепции заменить слово «реформирование» на «развитие», но мы опять развиваем организационно-штатную структуру (сокращение, оптимизация), изменяем виды учреждений, меняя их названия, – вроде что-то другое, а на самом деле все остается по-старому.

Система начинает тасовать осужденных в учреждениях по критерию повторности их преступлений (рецидиву), статьям Уголовного кодекса Российской Федерации и т. д. Забываем только о главном, что любое управление в социальной (государственной) сфере начинается с постановки задач и целей управления в той или иной сфере, если их нет, то нет и управления. А если мы их не меняем, то что может измениться в самой системе? Ничего.

Считаем, что все дело процесса реформирования и развития УИС состоит в постановке ее новых целей и задач. Может быть, пора некоторые из них скорректировать или видоизменить в связи с требованиями современных реалий?

Существующие пять основных категорий социального управления: цели и задачи, функции, методы, признаки и принципы остаются всегда основами социального (государственного) управления. Предлагаем поставить следующие цели.

1. Исполнение наказания после вступления решения (приговора) суда в законную силу – основная цель УИС, и никуда мы от нее не уйдем. Отсюда и будут существовать различные виды учреждений, где будут отбывать свой срок осужденные после того, как решение суда вступит в законную силу. Исправительными учреждениями на сегодня являются: исправительные колонии (особого, строгого, общего режимов, колонии-поселения), воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, а также лечебно-профилактические учреждения (в отношении находящихся в них осужденных) и следственные изоляторы (в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию; осужденных, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу и которые подлежат направлению в исправительные учреждения для отбывания наказания; осужденных, перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое; осужденных, оставленных в следственном изоляторе или переведенных в следственный изолятор в установленном порядке для их привлечения к участию в следственных действиях или судебном разбирательстве, а также в отношении осужденных на срок не свыше шести месяцев, оставленных в следственных изоляторах с их согласия).

«Первоходы», совершившие первое (первый раз) преступление небольшой тяжести и значимости, будут содержаться в исправительных учреждениях (общего режима). Здесь следует оставить форму содержания осужденных – отрядную, поскольку в массе их легче контролировать и воздействовать на них с помощью всей имеющейся структуры уголовно-исполнительной системы: психологические, социальные и другие формы, имеющиеся в отрядной системе, и на них не должно осуществляться воздействие со стороны лиц отрицательной направленности.

2. Трудоиспользование осужденных согласно ст. 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации нужно довести до необходимого уровня, а не так, как сегодня можно увидеть в статистических отчетах и докладах. Так, в 2016 г. трудоустроено около 183 тыс. человек осужденных на оплачиваемых работах, что свидетельствует о том, что вывод осужденных на работы составил 40 % от их среднесписочной численности. Трудоустроено около 2,3 тыс. осужденных инвалидов, среди которых около 0,5 тыс. инвалидов I и II группы. В исправительных учреждениях за прошедший год организовано 559 новых производств и таким образом дополнительно трудоустроено свыше 5,5 тыс. человек [2].

Решая эти задачи, возможно изменить объект социального управления, то есть осужденных. Сегодняшние экономические условия требуют понимания и решения со стороны сотрудников УИС, имеется в виду ухудшение их материального состояния. Почему данные тяготы и лишения не несут осужденные? Не пора ли лицам, особенно

тем, кто совершил умышленные повторные преступления, изменить условия их содержания и обеспечение для неработающей части осужденных? Для тех, кто работает, – одни условия содержания и обеспечение, а кто не работает – другие. Может быть, руководство страны, Минюста России и ФСИН России «курорт» для данной категории лиц изменит, и они лучше будут чувствовать и помнить то, что они поставили себя против человека, государства и т. д. Думается, что правозащитники, которые много говорят о правах осужденных, часто забывают, что их действия направлены против государства и человека – сотрудника УИС, исполняющего наказание в местах лишения свободы, который не нарушает закон и является правопослушным гражданином своей страны. Да, производственные мощности, находящиеся в основных фондах исправительных учреждений УИС, мягко говоря, не отвечают требованиям сегодняшнего дня – это неоспоримо. В последних выступлениях Президента Российской Федерации В. В. Путина ставится задача о дальнейшем развитии военно-промышленного комплекса (ВПК), где с ростом модернизации его предприятий предлагается использовать их мощности для производства товаров народного потребления. Так, может быть, те орудия труда, которые не используются на предприятиях ВПК, передать для производственных нужд в учреждения УИС?

Денежные средства, которые предназначены для выполнения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, государственной программы Российской Федерации «Юстиция», нам никто не даст – это ясно. У государства нет таких «свободных» денег, поэтому наша задача – самим их заработать, как ранее на лесозаготовках, чем и улучшить материальное состояние сотрудников УИС и лиц, отбывающих уголовные наказания в учреждениях УИС. Думаем, что с помощью инженерно-технических органов и служб УИС мы можем участвовать в выполнении задач, поставленных Президентом страны в вопросах обеспечения населения товарами народного потребления без его импорта из соседних стран мира.

Есть еще одно направление для осмысления. Во многих исправительных учреждениях созданы и функционируют изолированные участки с различными видами режима. Кроме того, имеются изолированные участки, функционирующие как тюрьма в исправительных колониях, а также изолированные участки, функционирующие как колонии-поселения в лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях. Возникает вопрос: почему в учреждениях УИС, где есть собственное производство и созданы необходимые условия для труда осужденных, не создать подобные участки для тех, кто должен выплачивать крупные иски (государству, физическим или юридическим лицам и т. д.)? Необходимо подчеркнуть, что данная проблема достаточно злободневна, однако она не поднимается в материалах ведомственных коллегий, совещаний и т. д., где излагаются результаты основных направлений деятельности УИС. В докладе о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в 2015 г. в рамках привлечения осужденных к труду не содержится информации по интересующему нас вопросу (погашение иска). Приведем небольшую выдержку из текста данного доклада: «В целях безусловного исполнения требований законодательства Российской Федерации об обязательном привлечении осужденных к общественно полезному труду созданы и функционируют 566 центров трудовой адаптации осужденных, 25 учебно-производственных и 55 лечебно-производственных мастерских, осуществляющих приносящую доход производственную деятельность с привлечением осужденных к труду. На оплачиваемых работах трудоустроено 192,5 тыс. человек, в том числе на производстве – 142,7 тыс. человек, на работах по хозяйственно-

му обслуживанию исправительных учреждений – 49,7 тыс. человек. Вывод осужденных на оплачиваемые работы составил порядка 35,9 % от их среднесписочной численности (в 2014 г. – 39,4 %). Трудоустроено 1,9 тыс. осужденных инвалидов, в том числе 0,4 тыс. инвалидов I и II группы. В исправительных учреждениях организовано производство 2328 видов новых изделий, что позволило трудоустроить 20,2 тыс. осужденных» [3, с. 23].

3. Рецидив и ресоциализация. Необходимо продолжать выполнять задачи по недопущению совершения преступлений ранее осужденным, то есть чтобы из учреждения УИС вышел человек, который на свободе не совершит повторных правонарушений, в том числе преступлений, и будет законопослушным гражданином.

4. За нарушения режима в исправительных учреждениях как установленного порядка отбывания наказания (например, нарушение распорядка дня) к осужденным могут применяться различные меры взыскания, среди которых водворение в штрафной изолятор, помещение камерного типа (в зависимости от вида исправительного учреждения). При этом период нахождения осужденного в штрафном изоляторе или помещении камерного типа засчитывается в общий срок отбывания им наказания. Возникает вопрос о целесообразности подобного зачета, поскольку на осужденного налагается взыскание не за то, что он отбывает наказание, а за то, что нарушил установленный порядок отбывания наказания. К тому же водворение осужденного в помещение камерного типа возможно только в случае, если лицо является злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, что свидетельствует о его негативном отношении к режиму, установленному в исправительном учреждении. Полагаем, можно вынести на обсуждение вопрос о том, чтобы период нахождения осужденного в штрафном изоляторе или помещении камерного типа не засчитывался в общий срок отбывания им наказания.

5. Уголовным кодексом Российской Федерации регламентируются вопросы применения к осужденным условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79), а также замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80). Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, равно как и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, может быть применено судом только после фактического отбытия осужденным определенной части срока наказания в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления (например, не менее одной трети срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести; не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление), а также личности самого осужденного. Для условно-досрочного освобождения фактически отбытый осужденным срок лишения свободы не может быть менее шести месяцев.

Судом при рассмотрении ходатайства о предоставлении осужденному условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания учитывается следующее: поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, отношение к совершенному деянию, возместил ли он частично или полностью причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления.

Мы располагаем данными, когда одним и тем же осужденным, отбывавшим наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях Рязанской области, неоднократно предоставлялось условно-досрочное освобождение:

осужденный В., 1972 г. р., ст. 162, ч. 4 УК РФ, срок – 10 лет лишения свободы, вторая судимость, ранее освобождался условно-досрочно на 4 года 10 месяцев. Подал ходатайство на условно-досрочное освобождение снова;

осужденный Р., 1968 г. р., ст. 105, ч. 2 УК РФ, срок – 17 лет лишения свободы, седьмая судимость, ранее освобождался условно-досрочно в 1995 г. на 2 месяца 12 дней. Подал ходатайство о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания;

осужденный Ф., 1970 г. р., ст. 222, 158 УК РФ, срок – 5 лет лишения свободы, четвертая судимость; ранее освобождался условно-досрочно: в 2003 г. на 2 года 4 месяца, в 2012 г. на 1 год 8 месяцев; в 2016 г. суд удовлетворил ходатайство о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания – исправительными работами на 1 год 8 месяцев.

Возникает вопрос: почему администрация исправительных учреждений и суд, поверив в искренность осужденного и руководствуясь формальным признаком, неоднократно поддерживают положительное решение вопроса предоставления осужденному условно-досрочного освобождения (либо замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания)? Данное лицо освобождается условно-досрочно, а затем, по прошествии определенного времени, иногда даже менее года, снова совершает преступление (аналогичное либо более тяжкое). Через некоторое время он опять подает ходатайство на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (либо замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания) и т. д. Таким образом, все повторяется, и так может продолжаться неизвестно сколько.

Считаем, что правом на условно-досрочное освобождение, равно как и правом на замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания, осужденный может пользоваться только один раз (по одному разу каждым из перечисленных прав), в связи с чем представляется необходимым рассмотреть вопрос о целесообразности закрепления подобного ограничения в рамках уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Библиографический список

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL : <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 07.08.2017).
2. В Федеральной службе исполнения наказаний подвели итоги деятельности за 2016 г. URL : [http://фсин.рф/pe\Уз/тс1ex.p11p?ЕЬЕМЕ\]Ч\[Т_Ю=307228](http://фсин.рф/pe\Уз/тс1ex.p11p?ЕЬЕМЕ]Ч[Т_Ю=307228) (дата обращения: 07.08.2017).
3. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в 2015 году. М., 2016. 44 с.

УДК 343.244.24

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА НЕЧАЕВА,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Российская Федерация,
e-mail: nechaeva_ev@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Для цитирования

Нечаева, Е. В. Перспективы трансформации наказания в виде принудительных работ / Е. В. Нечаева // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 45–49.

Аннотация. Анализируются теоретические и прикладные аспекты применения наказания в виде принудительных работ, предлагаются возможные варианты дальнейшего развития и перспективы его применения как самостоятельного вида наказания, высказывается точка зрения о видоизменении принудительных работ с возможной трансформацией в новый вид уголовного наказания, связанный с обязательной трудовой деятельностью.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, система уголовных наказаний, осужденные, принудительные работы, исправительные центры, колонии-поселения.

Пенитенциарная система существует не одно столетие и столько же существует проблема борьбы с преступностью. История уголовных наказаний в России свидетельствует о том, что основным средством борьбы с преступностью являлось и является применение к нарушителям закона определенных мер наказания. И чем строже наказание, тем больше, казалось бы, ожиданий в деле исправления преступника. Однако многовековой опыт необдуманного, масштабного применения наказания в виде лишения свободы как одного из строгих наказаний не привел к снижению уровня преступности и, как видим, не повысил степень безопасности в обществе, что подтверждает неэффективность политики ужесточения мер воздействия на лиц, преступивших закон. В настоящее время назрела необходимость менять вектор развития существующей системы назначения и исполнения наказаний путем дифференцированного подхода к карательному воздействию на лиц, не представляющих большой общественной опасности, путем назначения им наказаний, альтернативных лишению свободы. Чрезмерная строгость наказаний приводит к еще большему отчуждению осужденных от общества. Как известно, такое отчуждение ведет к поиску другой микросреды и, как правило, она оказывается преступной.

Указанные обстоятельства существенно затрудняют, а иногда и блокируют применение приемлемых средств государственного и общественного воздействия на осужденных на начальном этапе преступной деятельности, что впоследствии ведет к росту рецидива.

Кроме того, длительные сроки лишения свободы способствуют полной дезорганизации психики осужденного, стирают в их сознании понятия морали и нравственности. Эти и многие другие последствия лишения свободы приводят к невозможности ресоциализации личности осужденных, а это значит, что борьба с преступностью сводится лишь к временной изоляции осужденных [1].

Сегодня предприняты определенные шаги по гуманизации мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести либо совершивших тяжкие преступления впервые, основанных на принципах справедливости, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предполагается увеличение общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, за счет применения иных наказаний. Прежде всего это касается наказаний, альтернативных лишению свободы, таких как ограничение свободы и принудительные работы. Концепция в этой части успешно реализуется. Была увеличена доля санкций Особенной части УК РФ, предусматривающих наказания, не связанные с лишением свободы, в том числе принудительные работы. Более того, судам было рекомендовано активное назначение таких наказаний, однако за первое полугодие 2017 г. к наказанию в виде принудительных работ приговорено лишь 196 человек [2].

Говоря о правовой природе наказания в виде принудительных работ, следует указать на ряд спорных теоретических и прикладных аспектов. Принудительные работы как новый вид наказания пополнил перечень уголовных наказаний на основании Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» путем его дополнения статьей 53.1 УК РФ. По содержанию этот вид наказания стал новой версией наказания в виде ограничения свободы в первоначальной его редакции, который заключался в содержании осужденного в исправительном центре без изоляции от общества и выполнении им оплачиваемой работы на предприятии или в организации в условиях осуществления за ним надзора.

В настоящее время наказание в виде ограничения свободы наполнено новым содержанием. По сути, принудительные работы стали промежуточным наказанием между лишением свободы и наказаниями, не связанными с изоляцией осужденного от общества, что позволяет сделать вывод о том, что их можно рассматривать как более строгое наказание, чем ограничение свободы, но более мягкое, чем лишение свободы. Следует отметить, что вопрос о самостоятельности данного наказания вызывает сомнения, порождает бурные дискуссии и требует отдельного глубокого исследования.

Согласно законодательной регламентации принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы. Случаи применения четко определены в УК РФ (категории преступлений, срок принудительных работ и др.). В теории и практике уголовного и уголовно-исполнительного права наказаниями, альтернативными лишению свободы, принято считать штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы. Однако при формулировании соответствующих статей Общей части УК РФ законодатель не использовал легально термин «альтернатива». И только в ст. 53.1 УК РФ о наказании в виде принудительных работ мы наблюдаем закрепление этого термина.

Толкование термина «альтернатива» (от фр. *alternative*, от лат. *alternus*) в разных источниках сводится в основном к двум понятиям: 1) такое положение, когда необходимо из

двух обстоятельств непременно избрать одно; 2) право государей смягчить наказание [3]. Очевидно, оба понятия были положены в основу толкования содержания наказания в виде принудительных работ.

В соответствии с ч. 2 ст. 53.1 УК РФ, если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он заменяет осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами. Положения приведенной статьи вызывают много вопросов.

Назначение наказания в виде лишения свободы, а затем замена его на принудительные работы подрывает статус принудительных работ как самостоятельного вида наказания. Суд не имеет законных оснований для назначения принудительных работ изначально, хотя в санкциях статей Особенной части УК РФ данное наказание позиционируется как самостоятельное, более того, и альтернативный вид санкции предполагает самостоятельное применение одного из перечисленных в ней наказаний. В действительности это не так. Есть и другие противоречия.

Во-первых, если суд заменяет лишение свободы принудительными работами, то налицо замена, а не назначение наказания, а замена лишения свободы в соответствии со ст. 80 УК РФ возможна только после фактического отбытия определенного срока реального наказания. Кроме того, уголовный закон не дает четких оснований принятия решения о замене лишения свободы. Что следует понимать под возможностью исправления осужденного без реального лишения свободы, каковы критерии данного исправления? Кроме того, почему суд в этом случае должен принять решение о замене лишения свободы принудительными работами, а не назначить, например, более мягкий вид наказания или применить условное осуждение? [4].

Во-вторых, основанием такой замены является оценка личности осужденного. В соответствии со ст. 80 УК РФ к основаниям замены неотбытой части наказания более мягким относятся: полное (частичное) возмещение вреда, причиненного преступлением, фактическое отбытие определенного срока наказания, поведение осужденного, его отношение к учебе и труду во время отбытия наказания, отношение осужденного к совершенному деянию. При таких обстоятельствах имеется возможность прогнозировать поведение осужденного.

При назначении принудительных работ такая оценка поведения осужденного производится при непосредственном рассмотрении дела в зале суда, является не чем иным, как предположением и не может быть объективной. Более того, это выглядит абсурдно. Сначала суд посчитал целесообразным назначить осужденному лишение свободы, в то же время меняет решение в пользу принудительных работ, причем мотивировка остается такой же, что и в приговоре.

При непосредственном реальном исполнении назначенного наказания может выявиться и иное поведение. Чаще всего так и происходит. Вряд ли на стадии назначения наказания подсудимый будет стремиться к отрицательному поведению и допустит нарушения, препятствующие изменению приговора.

Следуя логике законодателя, так можно было бы поступать и с другими наказаниями в отношении лиц, совершивших преступление небольшой или средней тяжести или тяжкое преступление впервые.

В-третьих, излишне усложненная процедура назначения принудительных работ может привести к тому, что суды, не желая дважды обосновывать и мотивировать выбор сначала наказания в виде лишения свободы, а затем его замену принудительными работами, начнут избегать его назначения, склоняясь к иному выбору.

Целесообразно упростить процесс назначения наказания в виде принудительных работ, чтобы оно действительно стало эффективной альтернативой лишения свободы, наделив его при этом признаком самостоятельности.

Статус самостоятельности наказания в виде принудительных работ подрывается также близкой схожестью с другими наказаниями, тогда как разные виды наказаний должны быть разными и по содержанию.

Мало отличий принудительных работ от исправительных работ. Оба наказания связаны с обязательной трудовой деятельностью осужденных. Исполнение наказания в виде принудительных работ предполагает удержание средств из заработной платы осужденного в размере от 5 до 20 % в доход государства, перечисляемых на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы. Подобная мера предусмотрена и для наказания в виде исправительных работ. Категории лиц, которым не назначаются исправительные и принудительные работы, идентичные, за исключением несовершеннолетних, – принудительные работы им не назначаются. Основные отличия в этих наказаниях заключаются в сроке и месте отбывания наказания. Исправительные работы отбываются либо по основному месту работы, либо в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией. Принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду в исправительном центре. В отличие от исправительных работ отбывание принудительных работ проводится вдали от места постоянного проживания осужденного при отсутствии на территории субъекта РФ по месту его жительства или по месту осуждения исправительного центра или невозможности размещения осужденного в имеющихся исправительных центрах. Максимальный срок исправительных работ – 2 года, а принудительных – 5 лет.

Анализ содержания наказания в виде принудительных работ позволяет говорить о схожести данного наказания с исполнением наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях. Их карательное содержание очень схоже: проживание в общежитиях, содержание без охраны, но под надзором, возможность передвижения без конвоя и др.

Считаем недопустимым одновременное существование в одной системе наказаний, до такой степени похожих, что их трудно отличить друг от друга. Предлагаем исключить наказание в виде принудительных работ из системы уголовных наказаний в том виде и под тем названием, в каком оно представлено в законе сегодня. Кроме того, избранное законодателем наименование изначально противоречило ч. 2 ст. 37 Конституции РФ, звучит некорректно и вызывает много критики.

Вариантов изменения наказания в виде принудительных работ видим несколько.

Первый вариант. Сохранить принудительные работы как вид, придав им статус самостоятельного наказания, и представить его под новым названием – «привлечение к трудовой деятельности в исправительном центре».

Второй вариант. Рассмотреть возможность упразднения отбывания наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях и применения этих исправительных учреждений для отбывания принудительных работ или ограничиться созданием изолированных участков при исправительных учреждениях. Такая идея поддерживается И. П. Парфиненко и А. С. Антонец, которые отмечают, что трансформация принудительных работ в колонию-поселение в один вид наказания будет соответствовать Концепции реформирования уголовно-исполнительной системы и соответствовать международному законодательству, так как Концепция МОТ № 29 запрещает применение принудительного труда [5].

Третий вариант. Расширить содержание исправительных работ и представить принудительные работы их подвидом. Внести изменения в ч. 1 ст. 50 УК РФ следующего содержания: «Исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. Осужденный, имеющий основное место работы, отбывает наказание по основному месту работы. Осужденный, не имеющий основного места работы, отбывает наказание в исправительном центре».

Срок исправительных работ также следует изменить в сторону увеличения. Максимальный срок – 2 года несколько утратил свою карательную сущность. Таким образом, содержание принудительных работ воплотить в новом виде – исправительные работы с отбыванием наказания в исправительном центре. Последний вариант представляется нам наиболее приемлемым и перспективным.

Библиографический список

1. Нечаева Е. В. Проблемы реализации наказания в виде ограничения свободы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 12 дек. 2013 г.). Чебоксары, 2013. С. 342–350.
2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151> (дата обращения: 19.12.2017).
3. Чудинов А. П. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. URL : <http://www.dic.academic.ru> (дата обращения: 05.12.2017).
4. Степашин В. М. Проблемы применения принудительных работ // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2015. № 4(45). С. 156–161.
5. Парфиненко И. П., Антоненко А. С. Колонии-поселения как альтернатива принудительных работ // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 85–87.

УДК 343.85

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА БЕЛЮКОВА,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: tatyana.belyukova@mail.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ, НЕ СВЯЗАННЫМ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

Для цитирования

Белюкова, Т. И. Оперативно-розыскная профилактика преступлений осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества / Т. И. Белюкова // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 50–52.

Аннотация. Определяются задачи оперативно-розыскной профилактики, подчеркивается уникальность оперативно-розыскных подразделений, сосредоточивающих в себе индивидуальные функции осуществления оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых имеют важное значение для выявления, пресечения и расследования преступлений; отмечается важность осуществления оперативно-розыскной деятельности в целях профилактики преступлений осужденных, анализируются имеющиеся возможности реализации оперативно-розыскной профилактики в отношении осужденных, которым отсрочено отбывание наказания в связи с беременностью или наличием малолетних детей.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, профилактика, преступность, осужденные, отсрочка отбывания наказания, беременные женщины, малолетние дети.

Оперативно-розыскная профилактика пенитенциарной преступности представляет собой деятельность специальных субъектов (оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы) по поддержанию законности и обеспечению правомерного поведения осужденных во время отбывания наказания.

В рамках указанной деятельности на оперативные подразделения возлагаются следующие задачи:

- 1) выявление противоправных намерений преступников и их связей [1, с. 35];
- 2) осуществление действий, направленных на выявление, предотвращение и пресечение преступлений осужденных;
- 3) постановка осужденных на профилактический учет и осуществление негласного контроля за ними;
- 4) установление негативных явлений, криминальных намерений осужденных, склонение их к отказу от преступных действий.

Согласно ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации оперативно-розыскная деятельность (ОРД) осуществляется только в исправительных учреж-

денях. Поскольку уголовно-исполнительные инспекции (УИИ), исполняющие наказания, не связанные с изоляцией от общества, к ним не относятся, говорить об оперативно-розыскной профилактике преступлений в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, не представляется возможным. Однако следует отметить, что ее осуществление в отношении названной категории осужденных (а нас в первую очередь интересуют осужденные, в отношении которых отсрочено отбывание наказания в связи с беременностью или наличием малолетних детей) представляется эффективным и целесообразным. Обусловлено данное положение следующим.

Во-первых, оперативные подразделения являются особым субъектом деятельности, который сосредоточивает в себе индивидуальные возможности осуществления оперативно-розыскных мероприятий, что способствует повышению эффективности предупредительной деятельности в целом.

Оперативно-розыскная деятельность позволяет использовать как гласные, так и негласные средства и методы сбора криминологически значимой информации. Последняя может быть полезна не только для общей профилактики, но и для выработки основных индивидуально-профилактических мер в отношении конкретных осужденных, поэтому в научной литературе отмечается, что оперативно-розыскная деятельность в большинстве случаев является единственным средством эффективного воздействия на криминогенные процессы и явления [2, с. 204].

Во-вторых, как уже отмечалось, оперативные подразделения играют важную роль в выявлении, предотвращении и пресечении преступлений. Процент выявленных и пресеченных сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций преступлений осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, мал, поскольку сотрудники УИИ не обладают правом на осуществление оперативно-розыскных мероприятий [3, с. 126].

В-третьих, согласно Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий, служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в суд, использоваться в доказывании по уголовным делам. Для сотрудников УИИ подобная деятельность представляется актуальной и необходимой, поскольку в их работе с осужденными к отсрочке отбывания наказания возникают, как отмечают сами сотрудники, трудности, связанные: с проблемой доказывания факта уклонения от воспитания ребенка, если мать не отказалась от него, – сложность в сборе документов об уклонении осужденного от воспитания ребенка; невозможностью в некоторых случаях проверить осужденных по месту жительства, поскольку они воспрепятствуют обследованию жилищно-бытовых условий, не открывают дверь.

Как нам представляется, разрешить данную проблему было бы можно, если сотрудники инспекций имели бы полномочия на осуществление оперативно-розыскных мероприятий.

В-четвертых, оперативно-розыскная профилактика неразрывно связана с исправительным (воспитательным или предупредительным) воздействием, оказываемым на личность.

Несомненно, что профилактика, использующая возможности оперативно-розыскной деятельности, представляет собой важную часть в системе предупреждения преступлений осужденных. Она представляется актуальной и необходимой в том числе и в силу особенностей исследуемой категории осужденных, которые находятся на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, – беременных женщин и лиц, имеющих малолетних детей в возрасте до четырнадцати лет.

Осуществляя профилактические мероприятия в отношении указанной категории осужденных, необходимо помнить, что данные лица являются родителями, совершившими преступления и привлеченными к уголовной ответственности, которым суд доверил, несмотря на совершенные преступные действия, воспитание ребенка (детей). Однако это не означает, что указанные осужденные – законопослушные граждане.

Официальная ведомственная статистика (Форма ФСИН-1 Квартальная. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за первый квартал 2016 г.) свидетельствует о том, что среди осужденных к отсрочке по названному основанию почти 40 % – лица, ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности, 5 % всех осужденных к отсрочке ежегодно допускают рецидив преступлений (почти в 50 % случаев повторные преступления совершаются осужденными, ранее имевшими судимость), почти в 40 % случаев совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления, две трети преступлений имеют корыстно-насильственную направленность. В 17 % случаев повторные преступления совершаются в состоянии алкогольного опьянения, 31 % осужденных нарушают порядок отбывания отсрочки. Именно поэтому так важно использовать все возможности предупредительной деятельности (в том числе и оперативно-розыскную профилактику), чтобы не допустить (сократить) негативного воздействия осужденных родителей на собственных детей.

Каким образом в уголовно-исполнительных инспекциях может быть реализована оперативно-розыскная профилактика преступности осужденных к отсрочке отбывания наказания в связи с беременностью или наличием малолетних детей? В данном случае возможны два основных варианта.

Первый заключается в тесном взаимодействии сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и правоохранительных органов по вышеназванным вопросам, поскольку последние обладают правом ведения оперативно-розыскной деятельности. В ходе получения актуальной оперативной информации путем использования как гласных методов и средств (заявления граждан), так и негласных, полученных оперативно-розыскным путем, о противоправном образе жизни и антиобщественном поведении осужденного руководитель соответствующего органа должен направлять указанные сведения в адрес УИИ, предприятий, на которых работает осужденный, или непосредственно осуществлять меры по ликвидации причин и условий преступлений.

Второй вариант, как отмечается в научной литературе, исходит из учета достаточно высокой загруженности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и предполагает возможное введение в штат инспекций оперативных работников, занимающихся осуществлением оперативно-розыскной деятельности [3, с. 126]. Насколько данное предложение является эффективным и оправданным – сложный вопрос, однако он, несомненно, требует обсуждения и выработки рационального решения.

Библиографический список

1. Бакунчев А. Г. Использование криминологических характеристик в оперативно-розыскной профилактике насильственных посягательств осужденных в отношении сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1(19). С. 34–39.
2. Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. Рязань, 2009. 567 с.
3. Чистяков К. А. Криминологическая характеристика и предупреждение убийств, совершаемых условно осужденными : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 175 с.

УДК 343.8

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ БАБАЯН,
доктор юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: bsl09@mail.ru

О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ПООЩРИТЕЛЬНЫХ НОРМ И ИНСТИТУТОВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К ОСУЖДЕННЫМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Бабаян, С. Л. О концепции развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / С. Л. Бабаян // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 53–55.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов поощрительного воздействия на осужденных и целесообразности разработки концепции развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы с целью расширения возможности дифференциации исполнения наказания, повышения эффективности исправительного воздействия на осужденных и обеспечения их успешной социальной адаптации к условиям жизни в обществе.

Ключевые слова: поощрительное воздействие, концепция развития поощрительных норм и институтов, институт сокращения срока отбывания наказания, позитивное стимулирование правопослушного поведения осужденных.

Гуманизация исполнения и отбывания уголовных наказаний, которая включает в себя смягчение режимных требований и стимулирование правопослушного поведения осужденных, а также приведение условий отбывания наказаний в соответствие с целями наказания, относится к одному из основных направлений уголовно-исполнительной политики России. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, ставит одной из своих целей «гуманизацию условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с международными стандартами».

Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными 2015 г. (Правила Нельсона Манделы), Европейские пенитенциарные правила (2006) рекомендуют обеспечить правопорядок в учреждениях, исполняющих наказания, не только репрессивными мерами, но и стимулированием правопослушного поведения осу-

жденных, в том числе связанным с применением средств поощрительного воздействия. Представляется, что в настоящее время применение мер поощрения, поощрительных норм и институтов носит спорадический, несистемный характер и их осуществление нередко связано с влиянием субъективного усмотрения.

При этом одним из основных фундаментов, на котором строится процесс исправительного воздействия и ресоциализации осужденных, является позитивное стимулирование законопослушного поведения осужденных. В связи с этим с целью создания научно-методической платформы для перехода к последовательному, расширенному и рациональному применению поощрительных норм и институтов к осужденным, а также повышения эффективности оказываемого на них поощрительного воздействия целесообразно разработать концепцию развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях УИС (далее – концепция поощрения осужденных).

Кроме того, важно включить в перечень основных средств исправления осужденных поощрительное воздействие, которое представляет собой деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, по применению поощрительных норм и институтов с целью стимулирования исправления осужденных.

Структура данной концепции поощрения осужденных, на наш взгляд, должна состоять из следующих разделов и параграфов:

1. Характеристика и современное состояние поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

2. Основные направления развития поощрительных норм и институтов в уголовно-исполнительной системе как направление гуманизации современной уголовно-исполнительной политики России.

2.1. Переход к последовательному и рациональному применению поощрительных норм и институтов – важная задача учреждений УИС.

2.2. Дальнейшее расширение поощрительных норм и институтов, способствующих успешной социальной адаптации осужденных к лишению свободы.

2.3. Оптимизация оснований применения поощрительных норм и институтов и критерии оценки поведения осужденных.

2.4. Развитие поощрительных норм и институтов в сфере исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

3. Обеспечение прозрачности в деятельности учреждений УИС на основе широкого привлечения институтов гражданского общества к процессу применения поощрительных норм и институтов к осужденным.

4. Кадровое и ресурсное обеспечение развития поощрительных норм и институтов в учреждениях УИС.

5. План основных мероприятий по реализации концепции развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях УИС.

5.1. Организационные мероприятия.

5.2. Научно-методическое обеспечение развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях УИС.

5.3. Внедрение современных технологий в практику применения поощрительных норм и институтов к осужденным в учреждениях УИС.

5.4. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства и ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих поощрительные нормы и институты к осужденным в учреждениях УИС.

5.5. Организация контроля за исполнением мероприятий по реализации концепции развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях УИС [1, с. 528].

В параграфе «Дальнейшее расширение поощрительных норм и институтов, способствующих успешной социальной адаптации осужденных к лишению свободы» данной концепции, на наш взгляд, целесообразно предусмотреть в целях расширенного позитивного стимулирования и мотивации правопослушного поведения осужденных перевод лиц, отбывающих наказание в облегченных или льготных условиях содержания, из воспитательной колонии (ВК) в колонию-поселение после достижения ими восемнадцатилетнего возраста и отбытия не менее 1/4 срока наказания за преступления небольшой или средней тяжести, 1/3 срока наказания за тяжкие преступления и не менее 1/2 срока наказания за особо тяжкие преступления. При этом важно осуществлять перевод таких осужденных только в колонию-поселение для лиц, впервые осужденных к лишению свободы, для недопущения отрицательного воздействия на них осужденных, ранее отбывавших лишение свободы. Совершенствование поощрительного института изменения вида исправительного учреждения (ИУ) путем перевода осужденных из ВК в колонию-поселение расширит возможность дифференциации исполнения наказания, повысит эффективность исправительного воздействия к осужденным к лишению свободы и обеспечит успешную социальную адаптацию к условиям жизни в обществе.

Кроме того, предлагается во время отбывания наказания в виде лишения свободы применять поощрительный институт сокращения срока отбывания наказания, который предусматривает уменьшение данного срока положительно характеризующимся осужденным на период не более трех дней в месяц и соответственно не более 36 дней в течение года. Ведь во многих зарубежных странах (например, США, ФРГ, Канада, Франция, Афганистан) используется данный институт, стимулирующий положительное поведение осужденных [2, с. 67; 3, с. 133; 4, с. 15]. Данное изменение срока наказания должно осуществляться только судом по представлению администрации ИУ и применяться в отношении осужденных, отбывающих наказание в облегченных или льготных условиях содержания.

Таким образом, совершенствование поощрительного воздействия на осужденных и создание концепции развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы, позволит расширить возможность позитивного стимулирования и повысить эффективность исправительного воздействия в отношении осужденных.

Библиографический список

1. Бабаян С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 592 с.
2. Греков М. Л. Тюремные системы: состояние, перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 195 с.
3. Жабский В. А. Уголовные наказания в Российской Федерации и зарубежных странах : монография / под общ. ред. А. Я. Гришко. Рязань, 2010. 280 с.
4. Краснов Ю. А. Зарубежный опыт исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 7. С. 12–17.

УДК 343.828

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА СЕРЕДА,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой национальной безопасности
и правоохранительной деятельности,
Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: evs.54@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМ

Для цитирования

Серда, Е. В. Тенденции оказания медицинской помощи осужденным / Е. В. Серда // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 56–58.

Аннотация. В статье анализируются направления оказания медицинской помощи осужденным; предлагаются пути его совершенствования. Несмотря на достаточно противоречивый характер тенденций оказания медицинской помощи осужденным, за последние годы было намечено несколько путей ее улучшения. Некоторые из них оказались неперспективными, а другие – дают нам надежду на изменение ситуации в лучшую сторону с обеспечением медицинской помощью осужденных.

Ключевые слова: медицинская помощь, Конституция Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, подозреваемые, обвиняемые, осужденные.

Оказание медицинской помощи осужденным в последние годы характеризуется значительной противоречивостью.

Несмотря на то что в соответствии со ст. 41 Конституции Российской Федерации осужденные лица, как и все граждане Российской Федерации, имеют право на охрану своего здоровья и получение медицинской помощи на бесплатной основе и из тех же источников, из которых эту помощь получают все граждане нашей страны, независимо от того, совершили ли они преступление или нет, в реальной жизни получение медицинской помощи осужденными затруднено из-за множества причин. Одной из них, на наш взгляд, является значительная удаленность мест лишения свободы от больших городов, в связи с чем бывает сложно найти квалифицированный медицинский персонал для работы в исправительных учреждениях, а те, которые все же работают в таких медицинских частях, не обладают достаточной квалификацией.

Кроме того, значительно устарело оборудование медицинских частей, часто отсутствуют необходимые лекарственные препараты. Удаленность мест лишения свободы от больших городов негативно влияет на возможность немедленной транспортировки экстренных больных осужденных в гражданские больницы, хотя такая возможность у

осужденных есть, как и возможность получать необходимые консультации у врачей, работающих в органах здравоохранения. Такие возможности закреплены еще в 2005 г. в совместном приказе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации от 17 октября 2005 г. № 640/190 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу». В приказе унифицированы все нормы, касающиеся организации, обеспечения и деятельности медицинской службы в уголовно-исполнительной системе, а также контроля качества оказания медицинской помощи для реализации и соблюдения прав осужденных на оказание медицинской помощи, закреплена возможность привлекать для оказания медицинской помощи сотрудников из учреждений Минздравсоцразвития России. Однако процесс реализации этого приказа значительно затянулся. Объясняется это обстоятельство, пожалуй, теми же причинами, о которых мы уже говорили: довольно затруднительно найти медицинский персонал, работающий в отдаленных местах, достаточно сложно привлечь практикующих в областных и городских клиниках врачей для этих целей.

Несмотря на объективные трудности, процесс поиска выхода из сложившейся ситуации продолжается в разных направлениях.

Так, учитывая, что нередко наличие тяжелого заболевания при заключении гражданина под стражу может усугубить течение этого заболевания и даже привести к летальному исходу, Федеральным законом «О внесении изменений в ст. 110 УПК РФ и ст. 24 Федерального закона „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» была закреплена возможность изменения меры пресечения в виде заключения под стражу при выявлении у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. Однако для того, чтобы данная норма заработала, во исполнение указанного Федерального закона было принято постановление Правительства Российской Федерации, которым утверждался Перечень заболеваний и Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений.

Кроме того, ухудшаться здоровье осужденных может, как известно, при помещении их в штрафной или дисциплинарный изолятор. В данном случае отрицательную роль играет стресс, вызванный изоляцией, а также более строгие условия отбывания наказания в таких помещениях. При имеющемся хроническом заболевании риск его обострения возрастает во много раз. В связи с этим для исключения возможных негативных последствий нахождения осужденных в таких помещениях был принят Федеральный закон «О внесении изменений в статью 117 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», которым вводится обязательность проведения медицинского осмотра осужденных и выдачи медицинского заключения при водворении в штрафные изоляторы (дисциплинарные помещения). Детали проведения такого медосмотра прописаны в приложении к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 9 августа 2011 г. № 282, закрепившему порядок проведения медицинского осмотра перед переводом осужденных в помещения камерного типа, судебные помещения камерного типа, одиночные камеры, а также водворение в штрафные и дисциплинарные изоляторы и выдачи медицинского заключения о возможности нахождения в указанных помещениях по состоянию здоровья. Законодательно также предусмотрена возможность применять к подозреваемому или обвиняемому, страдающему заболеванием, меры пресечения, не связанные с изоляцией от общества.

Однако все перечисленные нормы законов и подзаконных актов лишь частично направлены на улучшение ситуации с охраной здоровья осужденных. Решить вопрос с оказанием медицинской помощи осужденным концептуально правительство попыталось, приняв постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы», в котором предусмотрена возможность привлекать врачей из системы здравоохранения к лечению осужденных. С принятием этого постановления началась работа, связанная с переводом всей медицинской службы исправительных учреждений на новую модель, включающую в систему медицинской помощи осужденным лечебные учреждения Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Обобщая изложенное, необходимо отметить, что, несмотря на достаточно противоречивый характер тенденций оказания медицинской помощи осужденным, за последние годы было намечено несколько путей ее улучшения. Некоторые из них оказались неперспективными, а другие – дают надежду на изменение ситуации в лучшую сторону с обеспечением медицинской помощью осужденных.

УДК 343.827(73)

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ,

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник,

НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: diw@yandex.ru

ОБ УЧЕТЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КОНТРОЛЯ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ (НА ПРИМЕРЕ США)

Для цитирования

Дворянсков, И. В. Об учете зарубежного опыта применения технических средств контроля за осужденными (на примере США) / И. В. Дворянсков // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 59–61.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению зарубежного опыта применения электронного мониторинга в процессе исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, на примере США, который может быть использован для повышения эффективности и оптимизации технического обеспечения контроля за поведением осужденных.

Ключевые слова: электронный мониторинг, наблюдение, электронный браслет, контроль за поведением осужденных.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, запланировано расширение сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, а также внедрение современных технологий и технических средств в практику исполнения наказаний.

Анализ зарубежного опыта использования форм контроля за поведением осужденных показывает, что электронный мониторинг используется как в досудебном порядке, так и в процессе отбывания наказания, а также при досрочном освобождении [1, 2].

Практически все программы пробации и домашнего ареста за рубежом используют тот или иной вид электронного наблюдения. С момента разработки в 1983 г. применение электронного наблюдения стало быстро распространяться, и исследования показывают, что домашний арест является подлинной альтернативой тюремному заключению, поскольку чаще всего он был предназначен как раз для тех, кто обычно направлялся в тюрьму.

В США удаленный мониторинг лиц, отбывающих наказание и освобожденных условно-досрочно, является одним из весьма распространенных методов сокращения расходов на пенитенциарную систему. Применение электронного мониторинга в этой стране регламентируется различными законодательными актами, случаи и порядок его реализации значительно отличаются в разных штатах. Наблюдение за осужденными на дому с использованием таких браслетов применяется в 49 штатах США. Электронный мониторинг устанавливается по решению судьи в качестве меры наказания за незначи-

тельные правонарушения, дополняющей залог до начала суда, а также меры контроля за условно-досрочно освобожденными преступниками. Максимальный период мониторинга не определен. По закону приговоренные к небольшим срокам лишения свободы американцы имеют право ходатайствовать перед судьей о замене им тюремного заключения на электронный домашний арест. Электронные браслеты периодически передают сигналы в полицейский участок, что позволяет контролировать пребывание осужденных по месту жительства в определенные часы суток и при этом предоставляют им возможность отлучаться из дома на время работы. По результатам проводимых исследований более 150 тыс. американцев носят браслеты. Стоимость осуществления электронного мониторинга в отношении одного человека в сутки колеблется от 9 до 24 долларов, что в 3–7 раз меньше, чем затраты на традиционное отбывание наказания. В 2009 г. в США насчитывалось чуть более 100 устройств мониторинга домашнего ареста и 44 тыс. устройств слежения. В настоящее время 16 американских компаний предоставляют данную услугу исправительным учреждениям, пользуясь оборудованием 11 производителей. Перевод только 10 % осужденных США на один из видов удаленного мониторинга позволил сократить расходы пенитенциарной системы на 4 млрд долларов. В последнее время для контроля за преступниками начали использовать еще более высокие технологии. Специальные GPS-браслеты, которые позволяют полиции с помощью спутников следить за всеми передвижениями их носителя, первоначально обязали надеть на всех выходящих на свободу осужденных, отбывавших наказание за преступления сексуального характера против несовершеннолетних. Нововведение настолько понравилось властям, что с 2008 г. в Калифорнии существенно расширили список преступлений, осужденные за которые после освобождения обязаны некоторое время находиться под тотальным контролем полиции. В США применяется разновидность особо строгого электронного контроля и мониторинга всех используемых интернет-соединений лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, что позволяет контролировать поведение таких лиц и в виртуальной сфере.

Опыт электронного наблюдения за осужденными в США показывает, что электронный мониторинг обходится государству гораздо дешевле, чем заключение в местах лишения свободы. Один день заключения в тюрьме одного правонарушителя стоит 44 доллара, или 16 000 долларов в год (это прямые расходы, а не прямые в три раза выше – 48 000 долларов в год). Нахождение американского правонарушителя в центре probation стоит 28 долларов в день. Электронный мониторинг за поведением осужденных условно или подозреваемого под домашним арестом обходится в 14 долларов в день, или 5110 долларов в год (непрямые расходы – 15 000 долларов в год).

При использовании электронного мониторинга существенно снижаются расходы на использование автотранспорта.

Помимо экономии значительных финансовых ресурсов электронный мониторинг при исполнении так называемых альтернативных наказаний имеет ряд преимуществ. Обычно правонарушителям разрешается сохранить работу, а часто от них даже требуется выполнение работы. Когда правонарушитель не в состоянии сохранить свое рабочее место, он выполняет общественно полезные работы. Еще одно преимущество заключается в том, что программы электронного наблюдения позволяют использовать многоуровневую систему мер воздействия и контроля, применение которой зависит от степени тяжести совершенного преступления.

Мобильное электронное наблюдение может применяться в отношении уже освобожденных лиц с целью предотвращения рецидива.

Как показывает практика, действия осужденных могут быть направлены на обман системы слежения (снятие электронного браслета, попытка подмены сигнала), порчу имущества и поиск правовых недоработок, позволяющих уйти от ответственности за порчу имущества и нарушение режима, назначенного судом. Так, вывод из строя системы и нарушение правильной работы могут быть вызваны использованием «глушилок»; причинение вреда конечности (или имитация его) позволяет получить направление в медицинское учреждение для проведения рентгена – такое облучение выводит оборудование из строя; оборачивание оборудования в фольгу не является его порчей, но может спровоцировать выезд инспектора на место нарушения. Доказать провокацию в суде трудно. В связи с этим необходимы механизмы, позволяющие легко обнаружить и доказать умышленную порчу оборудования.

Оборудование СЭМПЛ продолжает модифицироваться и совершенствоваться. В перспективе возможно внедрение в России уже действующих за рубежом полиграфических моделей, например, оснащенных видеокамерой, позволяющей фиксировать факт неправомерного воздействия на оборудование, а также алкотестером, чтобы контролируемый дышал в него перед камерой с установленной периодичностью. Думается, уровень современного развития техники позволяет применять компактные браслеты со встроенным ретранслятором (в частности, системы ГЛОНАСС) непосредственно на пульт оператора.

Очевидно, что при совершенствовании технической составляющей сфера применения электронного контроля может расширяться, в частности, за счет более широкого применения домашнего ареста обвиняемых в совершении преступления вместо содержания их в следственных изоляторах.

Использование передового зарубежного опыта применения СЭМПЛ послужит совершенствованию технических, организационных и правовых аспектов электронного мониторинга в России. Полномасштабное функционирование СЭМПЛ в России с учетом современных инноваций существенно снизит нагрузку на правоохранительную и судебную системы, позволит уменьшить количество лиц, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, будет способствовать повышению эффективности и оптимизации технического обеспечения их исполнения в нашей стране.

Библиографический список

1. Дворянсков И. В., Бурмакин Г. А. Зарубежный опыт применения технических средств контроля за осужденными // Назначение и исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, и иных мер уголовно-правового характера : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Самара, 27 марта 2015 г.) / под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара, 2015. С. 63–67.

2. Дворянсков И. В., Бурмакин Г. А. Опыт применения технических средств контроля за осужденными в Великобритании и Франции // Информационно-техническое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе : сб. материалов науч.-практ. семинара / отв. ред. А. А. Бабкин. Вологда, 2017. С. 22–25.

УДК 341.231.14:343.8

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ НЕКРАСОВ,

доктор юридических наук,

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,

Самарский юридический институт ФСИН России,

г. Самара, Российская Федерация,

e-mail: nekrasov.aleksandr@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ БЕЗОПАСНЫЙ И ГУМАННЫЙ ПОДХОД К ОСУЖДЕННЫМ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Для цитирования

Некрасов, А. П. Международные акты, обеспечивающие безопасный и гуманный подход к осужденным в пенитенциарных учреждениях / А. П. Некрасов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 62–66.

Аннотация. Анализируются международные акты, гарантирующие права и свободы осужденных и их безопасность в местах изоляции на территории Российской Федерации; международные акты и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации в части гуманизации обращения с заключенными в пенитенциарной сфере и различных средств поощрительного воздействия, направленного на стимулирование их исправления; рассматриваются правила применения норм международного права к осужденным в США, Норвегии, Франции, Финляндии, и проводится их сравнительно-правовой анализ.

Ключевые слова: международные акты, исправление осужденных, воздействие нормы международного права, сравнительно-правовой анализ, зарубежный опыт.

Согласно действующей Конституции Российской Федерации Российское государство гарантирует права и свободы человека и гражданина, а также обеспечивает их безопасность в обществе. Это касается не только свободных граждан, но и осужденных, находящихся в местах лишения свободы. Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) соответствует не только Конституции РФ, но и нормам международного права, которые учитывают гуманный подход к заключенным. На этой основе УИК РФ продолжает совершенствоваться и развиваться, а следовательно, соответствовать целям и задачам по исполнению наказаний в пенитенциарной сфере. Существуют ряд международных конвенций и правил, направленных на гуманизацию осужденных и защиту их прав и свобод:

1) Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.;

2) Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключенная в г. Риме 4 ноября 1950 г.;

3) Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, заключенная в г. Страсбурге 26 ноября 1987 г.;

4) Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания, принятая резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г.;

5) Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятые резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.;

6) Основные принципы обращения с заключенными, принятые резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.;

7) Европейские пенитенциарные правила, принятые Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 1987 г.;

8) Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на I Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 г., и одобренные Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.

Все вышеупомянутые международные акты, разработанные и принятые международным сообществом по стандартам обращения с осужденными, направлены на гуманизацию исполнения уголовного наказания и минимизацию его негативных последствий, а также на создание такого уголовно-исполнительного законодательства, которое предусматривало бы осуществление исправительной деятельности посредством создания максимально приближенных к условиям жизни на свободе условий отбывания наказания в местах лишения свободы. Об этом свидетельствуют следующие положения международного законодательства в сфере уголовно-исполнительного права.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14 ноября 2010 г. № 1772-р, выработана на основе Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (далее – Стандарты). В ней предусмотрена необходимость отдельного содержания осужденных в целях исключения отрицательного влияния их друг на друга, а именно не рекомендуется помещать двух заключенных в одну и ту же камеру, если один из них уже отбывал наказание в местах лишения свободы, то есть необходима так называемая сепарация осужденных.

Основная цель уголовного наказания – исправление осужденных отражена в ст. 9 УИК РФ, а также в п. 65 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (далее – Правила), согласно которым у осужденных необходимо формировать чувство уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития. Немаловажным средством исправления для осужденных определяется религиозное убеждение как покаяние перед богом, которое благотворно воздействует на формирование личности и нравственного законопослушного человека. Это является действенным средством для исправления осужденных и профилактикой недопущения с их стороны преступлений. На наш взгляд, к назначению наказаний, связанных с изоляцией от общества, судам необходимо прибегать исключительно в край-

них случаях, учитывая личность виновного, степень и характер общественной опасности причиненного вреда и другие обстоятельства. Выбранный судом режим должен соответствовать тяжести совершенного преступления и как кара государства обязан воздействовать на личность осужденного.

Анализ международного законодательства в области пенитенциарного права показывает, что оно направлено на минимизацию негативных последствий по отбыванию наказания в виде лишения свободы, где лишение свободы само по себе уже является наказанием и причиняет страдания осужденному, поэтому условия лишения свободы не должны усугублять положение осужденного, за исключением случаев, когда это оправдано необходимостью поддержания дисциплины.

В п. 65 Правил говорится о том, чтобы осужденный не почувствовал принципиальной разницы между условиями заключения и жизни на свободе. Для достижения такой цели необходимо индивидуализировать исправительное воздействие (пр. 66).

Поскольку необходимым условием достижения исправительной цели наказания является не только деятельность определенных внешних структур, но и желание самого осужденного исправиться, Правила рекомендуют исправительным учреждениям проводить такую деятельность, которая вызывала бы у осужденного интерес к собственному исправлению (пр. 69.1, 69.2).

В качестве позитивных элементов исправительного воздействия Правила рассматривают общественное воздействие (пр. 70.1), труд (пр. 71.1), обучение полезным специальностям (пр. 71.5, 77), которые, в свою очередь, являются одними из средств исправления осужденных в соответствии с российским уголовно-исполнительным законодательством.

Необходимо отметить, что указанные положения Правил и Стандартов носят рекомендательный, а не обязательный характер. Об этом свидетельствует и содержание указанных международных актов, которые рекомендуют правительствам государств, согласовавших эти нормы и принципы обращения с осужденными, исходить в своем законодательстве и практике из принципов, содержащихся в таких актах, добиваясь их последовательного исполнения.

Кроме того, рекомендации международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными, в том числе вышеуказанные Правила, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 16 декабря 2010 г. № 1700-О-О, имеют рекомендательный характер и подлежат реализации лишь при наличии необходимых экономических и социальных возможностей (ч. 4 ст. 3 УИК РФ).

В настоящее время во многих развитых странах мира (США, Германия, Франция) вышеуказанные положения международного законодательства в области обращения с осужденными реализуются по-разному. Например, наблюдается тенденция к совершенствованию системы исполнения уголовных наказаний посредством введения мер, альтернативных лишению свободы. В большей степени развиты такие меры наказания, как условное осуждение с испытательным сроком, общественно полезные и принудительные работы, штрафы, залоги. Если и назначается наказание в виде лишения свободы, то в исправительных учреждениях создаются такие условия отбывания наказания, которые максимально приближены к условиям жизни на свободе. Так, во Франции (г. Тулуза) функционирует тюрьма, построенная по проекту архитектора Ги Атрана, заключающемуся в разделении тюрьмы на «кварталы», каждый из которых населяет определенная категория осужденных в зависимости от тяжести совершенного ими преступления. В таких «кварталах» функционируют библиотеки,

спортивные залы, учебные заведения, предприятия, в которых осужденный может работать [1]. Такое устройство тюрем способствует более спокойному поведению осужденных, которые могут удовлетворить большую часть своих потребностей посредством занятия определенным видом деятельности.

Социальные условия отбывания наказания в местах заключения созданы в Норвегии, уголовно-исполнительная политика которой направлена на максимальное исключение карательных элементов наказания. Наказание в виде лишения свободы в Норвегии назначается лишь за совершение особо тяжких преступлений. Кроме того, в норвежском законодательстве не предусмотрено такого вида уголовного наказания, как пожизненное лишение свободы.

Интересен опыт Финляндии, где чаще применяются такие наказания, как штраф и условное осуждение. Несколько лет назад там была создана Ассоциация по делам испытания и последующего ухода при Министерстве юстиции по исполнению альтернативных лишению свободы наказаний. Ассоциация утверждает в Министерстве юстиции список предприятий и учреждений, где будут работать осужденные. За их дисциплиной следит администрация предприятия или учреждения и представители Ассоциации. В случае нарушений общественная служба может быть заменена лишением свободы. Заключенным предоставляется выбор: труд либо учеба в рабочее время, причем тюрьмы не имеют своих учебных заведений и учителей, поэтому тесно сотрудничают с внешними учебными заведениями. Стимулом обучения является денежное вознаграждение – пособие, которое получают ученики за хорошую учебу [2, с. 215].

В России мысль о создании таких исправительных учреждений, которые совмещали бы элементы как карательного, так и нравственного, общественного воздействия на личность преступника, возникла еще в XIX в., а именно с появлением исправительных домов в соответствии с Законом от 11 декабря 1879 г. Обязательными элементами содержания осужденных в таких учреждениях являлись труд и нравственное воздействие на преступника. Для данных учреждений были характерны предварительное одиночное заключение, гарантирующее индивидуализацию наказания и исключающее вредное влияние осужденных к лишению свободы друг на друга, привлечение осужденных к труду, осуществление школьного обучения и нравственного воспитания. Однако в связи с отсутствием достаточного финансирования деятельности исправительных домов идеи об их создании не получили широкомасштабного воплощения в жизнь.

Мысль о создании исправительных учреждений с условиями отбывания наказания, максимально приближенными к условиям обыденной жизни, в России поддерживал С. В. Познышев, который писал: «В будущем, вероятно, каждый тип преступников найдет себе место в особой «социальной клинике» с соответствующими его особенностям методами социального лечения» [3, с. 165].

Идея создания исправительных учреждений с условиями отбывания наказания, максимально приближенными к условиям обыденной жизни, нашла свое отражение в распоряжении Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года».

По нашему мнению, в современной России руководителям пенитенциарных учреждений необходимо шире применять нормы международного права и их принципы в контексте уголовно-исполнительного законодательства РФ для достижения целей исправления и перевоспитания осужденных в изоляции и через воздействие

нормативно-правовых актов и международных функций снижать рецидив преступлений в обществе.

Библиографический список

1. Жаворонков А. Тюрьмы XXI века. Во Франции идет дискуссия – какой должна быть тюрьма XXI века. URL : <http://index.org.ru/nb/2000/frpri.html> (дата обращения: 05.09.2015).
2. Подзвальный О. А. Мировой опыт организации труда осужденных к лишению свободы // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних) : сб. тез. выступлений и докладов участников (Рязань, 25–26 нояб. 2015 г.) : в 8 т. Рязань, 2015. Т. 7. С. 215–218.
3. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 843 с.

УДК 343.25

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ХУТОРСКАЯ,

кандидат юридических наук, доцент,

член совета директоров,

PRI (Международная тюремная реформа),

г. Москва, Российская Федерация, e-mail: editor62@yandex.ru

ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В МИРЕ

Для цитирования

Хуторская, Н. Б. Пожизненное лишение свободы в мире / Н. Б. Хуторская // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 67–69.

Аннотация. В статье анализируется предварительный отчет об исследовании пожизненного лишения свободы в различных странах мира, проведенном британскими учеными из Ноттингемского университета. Выводы, сделанные британскими коллегами, заслуживают изучения и осмысления для последующего совершенствования отечественного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, виды пожизненного лишения свободы, права человека.

Во многих государствах мира пожизненное лишение свободы является самым суровым наказанием, которое применяется в отношении лиц, совершивших наиболее тяжкие уголовные преступления. Более 20 лет назад Организация Объединенных Наций опубликовала отчет, впервые осветивший проблемы, связанные с назначением и исполнением пожизненного лишения свободы [1]. За прошедшие десятилетия во многих государствах произошли существенные изменения в уголовной политике и правоприменительной практике. Одновременно подверглись реформированию международные стандарты по правам человека применительно к тюремному заключению в целом и пожизненному заключению в частности. Исходя из этого с февраля 2014 по февраль 2017 г. группа ученых Ноттингемского университета (Великобритания) провела исследование применения пожизненного лишения свободы во многих странах в свете соблюдения прав человека. В заключительном докладе содержится классификация видов пожизненного лишения свободы, практика его исполнения, а также рекомендации для законодателей и правоприменителей относительно назначения и применения этого вида наказания. Исследователи призывают международное сообщество переосмыслить, пересмотреть законодательство и практику в отношении пожизненного лишения свободы [2].

Исследователи поставили перед собой три основные задачи:
описать пожизненное лишение свободы на глобальном уровне;
критически оценить назначение и применение этого вида наказания;
разработать руководство для законодателей и практических работников по применению пожизненного лишения свободы.

В исследовании были использованы данные по 216 странам. Нами была предоставлена информация по Российской Федерации (законодательство, официальная статистика, порядок и условия исполнения пожизненного лишения свободы).

В различных странах термин «пожизненное лишение свободы» имеет разное значение. В некоторых из них при назначении этого вида наказания осужденный не имеет права на освобождение от отбывания наказания, в других – освобождается в безусловном порядке по истечении определенного срока. Кроме того, имеются другие виды наказания, которые формально не являются пожизненным лишением свободы, но осужденный содержится в заключении до своей естественной смерти.

В самом общем виде исследователи определяют пожизненное лишение свободы как вид наказания, который «дает государству право содержать заключенного в тюрьме пожизненно, то есть до его смерти».

Можно поспорить с британскими учеными по поводу данной дефиниции, которая, с одной стороны, не соответствует приведенному выше определению, а с другой – не раскрывает полностью существующие в различных странах разновидности этого вида наказания.

Тем не менее, на наш взгляд, в нарушение логики британские ученые выделяют два вида пожизненного лишения свободы: *формальное*, при котором суд назначает наказание пожизненно, и *неформальное*, которое нельзя назвать пожизненным, но при этом осужденный будет содержаться в тюрьме до конца жизни.

В исследовании проводится дальнейшая классификация формального и неформального пожизненного лишения свободы на следующие подвиды:

не подлежащий сокращению срок пожизненного лишения свободы, то есть осужденный не может быть освобожден от отбывания наказания;

решение об освобождении может быть принято главой исполнительной власти или главой государства;

освобождение предоставляется по решению суда, совета по условно-досрочному освобождению или иным органом;

освобождение осужденного происходит автоматически, после отбытия определенного срока (символическое пожизненное лишение свободы).

В свою очередь, неформальное пожизненное лишение свободы авторы подразделяют на фактическое – длительное, определенное по сроку, например, на 99 лет, и постепенитенциарное, неопределенное превентивное содержание осужденного после отбытия назначенного наказания.

Сами исследователи признают, что подобная классификация не является исчерпывающей.

По данным, приведенным в отчете, виды пожизненного лишения свободы различны в странах мира, в 33 из них вообще не применяется пожизненное лишение свободы или высшая мера наказания.

Формальное пожизненное лишение свободы, предусмотренное законом, применяется в 183 странах, а в 127 из общего количества государств этот вид наказания является самым суровым.

Одним из распространенных видов пожизненного лишения свободы является наказание с возможностью освобождения, предусмотренной законом (79 % стран). В то же время в 66 странах освобождение от отбывания пожизненного лишения свободы не предусмотрено законом.

По данным исследования, в 2014 г. во всем мире насчитывалось 305 326 заключенных, отбывавших пожизненное лишение свободы, большинство из которых содержались

в тюрьмах следующих пяти государств: США, Индия, Южная Африка, Великобритания и Турция. Однако приведенная выше цифра на включает в себя данные по наиболее населенным странам, таким как Китай, Вьетнам, Филиппины и некоторые африканские государства, информацию по которым получить не удалось. Однако, по некоторым неофициальным источникам, стало возможным приблизительно определить общее количество «пожизненников» в мире в 2014 г. – около полумиллиона (479 тыс. человек).

Наибольшее количество «пожизненников» в США – 161 957 человек (9,5 % от общего количества заключенных), на втором месте – Южная Африка – 13 190 «пожизненников» (10,5 % от общего количества заключенных). В Индии, несмотря на относительно небольшое количество «пожизненников» по сравнению с вышеуказанными странами (71 632 человека), очень высок относительный показатель (53,7 % всех заключенных).

Из анализа полученных исследователями данных следует, что Российская Федерация занимает вполне достойное место, обогнав Германию и Великобританию. Для сравнения: в России в 2014 г., если верить официальной статистике, было 1776 «пожизненников» (0,35 % от общего количества лишенных свободы), в то время как в Великобритании – 8661 человек (11 %), а в Германии – 1953 человека (3,6 %).

Британские ученые изучили значительное количество литературных источников, содержащих информацию о применении пожизненного лишения свободы, а также отчеты Европейского комитета против пыток (ЕКПП) и материалы PRI (Международной тюремной реформы) и сделали вывод о том, что этот вид наказания является наиболее суровым, карательным в ряде стран мира. Критике подверглись в основном государства – бывшие республики Советского Союза: Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Молдова, Россия, Украина, в которых «пожизненники» содержатся в специализированных колониях, в условиях особой изоляции. Подобная практика существует и в ряде других стран – Болгарии, Румынии, Словакии, Турции. В этих государствах на осужденных пожизненно надевают наручники при выводе из камер, их сопровождают сотрудники со служебными собаками. Сами осужденные и их камеры постоянно обыскиваются, при этом допускается неуважение прав человека.

Исследователи отмечают, что «пожизненники» содержатся в худших, по сравнению с другими осужденными, условиях. Их ограничивают в контактах с внешним миром, они не принимают участия в воспитательных мероприятиях.

В США «пожизненники», даже несовершеннолетние, лишены возможности получать общее образование и профессиональную подготовку, а в Беларуси, Киргизии, на Украине осужденных дополнительно наказывают отсутствием работы.

В заключение следует отметить, что документ рекомендует государствам руководствоваться стандартами ООН и Совета Европы по правам человека и гуманизировать систему исполнения пожизненного лишения свободы.

На наш взгляд, выводы, сделанные нашими британскими коллегами, заслуживают изучения и осмысления для последующего совершенствования отечественного законодательства и правоприменительной практики.

Библиографический список

1. United Nations Office at Vienna, Crime Prevention and Criminal Justice Branch, Life Imprisonment, Vienna, United Nations, 1994.
2. Catherine Appleton and Dirk van ZylSmit. Summary Report on Life Imprisonment Worldwide. School of Law, University of Nottingham, 2017.

УДК 159.9:343.8

МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ ДЕБОЛЬСКИЙ,
кандидат психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: mdebolsky@mail.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Для цитирования

Дебольский, М. Г. Нормативно-правовое обеспечение деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы на различных этапах ее развития / М. Г. Дебольский // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 70–74.

Аннотация. В статье проанализированы международные документы и уголовно-исполнительное законодательство, регламентирующие порядок функционирования психологической службы в пенитенциарной системе; рассмотрены направления совершенствования нормативно-правового обеспечения деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы в настоящее время.

Ключевые слова: психологическая служба, уголовно-исполнительное законодательство, право осужденных на психологическую помощь, деятельность пенитенциарного психолога.

Психологическая служба в пенитенциарных учреждениях функционирует в строгом соответствии со Всеобщей декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (ООН), и международными конвенциями, вытекающими из этой Декларации [1, с. 10–17]. Введение должности психолога в штаты пенитенциарных учреждений рекомендовано ст. 49 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых на Первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 г. [1, с. 125].

Во многих экономически развитых государствах введение должности психолога в пенитенциарных учреждениях началось гораздо раньше, чем в нашей стране [5, с. 329–346], хотя и в дореволюционной России, и в СССР юридическая и пенитенциарная психология развивались достаточно активно [9]. Важно отметить, что многие юристы внесли весомый вклад в разработку основ пенитенциарной психологии и способствовали организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе. Так, в конце 1960-х годов один из наиболее авторитетных в тот период специалистов по исправительно-трудовому (уголовно-исполнительному) праву Б. С. Утевский писал: «Для повседневного научно обоснованного управления исправительно-трудовой коло-

нией и тюрьмой, безусловно, необходима в каждой из них штатная должность специалиста-психолога и, по возможности, специалиста-педагога. Введение в штат этих двух специалистов с лихвой окупится благодаря повышению качества и сокращению сроков исправления, которое, несомненно, последует после усиления аппарата указанными работниками» [10, с. 25].

Еще в советский период, в 1974 г., для работы с несовершеннолетними правонарушителями была введена должность психолога в штаты воспитательных колоний. В 1980-е годы, во время так называемой перестройки, вновь предпринимаются активные меры по дальнейшему развитию психологической службы в УИС. В порядке эксперимента были созданы психологические лаборатории численностью 4 человека в исправительных колониях Саратовской и Пермской областей, на базе которых апробированы психодиагностические методы изучения осужденных (Саратовская область) и программы психокоррекционного воздействия на правонарушителей (педагогический аутотренинг, разработчиком которого являлась профессор Пермского государственного педагогического института, ныне Университета, А. С. Новоселова) [7]. Результаты деятельности этих лабораторий в 1989 г. были обобщены рабочей группой, в которую входили представители ГУИН МВД СССР (С. Х. Шамсунов – руководитель группы), НИИ МВД (А. В. Шамис и А. И. Мокрецов), Академии МВД СССР (М. Г. Дебольский), Всероссийского института повышения квалификации руководящих работников УИС (А. В. Пищелко), и были доложены министру внутренних дел СССР с предложением создать психологические лаборатории во всех исправительных учреждениях.

К сожалению, сложная социально-экономическая ситуация в стране в тот период не позволила создать психологическую службу, но идея ее создания разделялась руководством уголовно-исполнительной системы, и в 1989 г. впервые в Рязанской высшей школе МВД СССР был осуществлен набор будущих психологов пенитенциарной системы, а спустя два года создан полноценный психологический факультет.

2 сентября 1992 г. в уже изменившихся политических и социально-экономических условиях министром внутренних дел Российской Федерации подписан приказ № 305 «О создании психологических лабораторий исправительно-трудовых учреждений». Это была новая веха в истории развития практической психологии в уголовно-исполнительной системе. В соответствии с приказом ФСИН России от 2 сентября 2007 г. № 421 стал ежегодно отмечаться профессиональный праздник – День пенитенциарного психолога.

Принятие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) в 1997 г. в определенной степени стимулировало развитие психологической службы, так как в ст. 1 отмечалось, что «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений». Естественно, что достижение этих целей предполагает углубленное психодиагностическое обследование личности осужденного и применение исправительных психокоррекционных программ, которые возлагаются на сотрудников психологической службы. Косвенно на необходимость развития психологической службы указывают также следующие статьи УИК РФ: ст. 8, закрепляющая прежде всего принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания; ст. 9, устанавливающая, что средства исправления осужденных применяются с учетом личности осужденных и их поведения; ст. 109, регламентирующая воспитательную работу с осужденными, в которой зафиксировано, что она «проводится с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденных...»; ст. 110, определяющая необходимость проведения воспитательной работы с осужденными «на основе психолого-педагогических методов».

К концу 1990-х годов численность психологической службы УИС достигла 1000 человек, начало осуществляться психодиагностическое обследование осужденных, в ряде территориальных органов в работе с несовершеннолетними и осужденными женщинами стали применяться программы педагогического аутотренинга, разработанные доктором педагогических наук А. С. Новоселовой, накапливаться опыт проведения психологического консультирования и социально-психологических тренингов с осужденными и персоналом (Т. Ю. Базаров, М. Г. Дебольский, Т. В. Калашникова, В. С. Красник, А. В. Пищелко, Л. С. Саблина, В. И. Серов и др.).

Однако темпы и качественный уровень развития психологической службы не соответствовали потребностям практики. На научно-практическом семинаре психологов УИС, проходившем в июле 1999 г. в Томске, отмечался ряд недостатков в организации деятельности психологической службы, в том числе: отсутствие научно обоснованной концепции развития службы и правовых основ, регламентирующих деятельность психологической службы на законодательном уровне [8]. Авторитетный ученый, а в конце 1990-х и начале 2000-х гг. к тому же заместитель начальника ГУИН Минюста России А. И. Зубков, оценивая сложившуюся ситуацию, отмечал: «У нас пока нет единой психологической службы, чтобы решать вопросы правового статуса психологов, их профессионального роста по своей должности» и психологического обеспечения деятельности «сотрудников при решении стоящих перед системой задач» [6, с. 12].

Необходимо отметить, что в 1990-е годы в качестве одного из факторов, сдерживавших развитие психологической службы и ее нормативно-правовое обеспечение, являлась принадлежность УИС к Министерству внутренних дел, для которого исправление осужденных оставалось далеко не главной задачей. До 2000 г. в структуре ГУИН также не было отдела, который осуществлял бы организацию деятельности психологической службы и ее совершенствование. После передачи уголовно-исполнительной системы под юрисдикцию Министерства юстиции принят ряд дополнительных мер, направленных на совершенствование психологической работы, и одна из них – создание в структуре ГУИН Минюста России самостоятельного отдела психологической службы [2]. На новое структурное подразделение возлагались задачи текущего (повседневного) и стратегического (перспективного) управления деятельностью психологов уголовно-исполнительной системы. Создание самостоятельного отдела психологической службы в структуре ГУИН – это новый этап в развитии ведомственной психологической службы. Он характеризуется научно обоснованным системным подходом, централизацией управления и единоначалием, что весьма важно на этапе становления новой службы и внедрения единых стандартов по основным направлениям деятельности. Отделом психологической службы совместно с Академией ФСИН России, ФКУ НИИ ФСИН России разработаны Концепция развития психологической службы УИС (далее – Концепция), план ее реализации, Инструкция об организации деятельности психологической службы УИС. Документы имели стратегический и системный характер, прошли научную и правовую экспертизу, утверждены приказом Минюста России [3].

Однако в УИК РФ понятие «психологическая служба», порядок ее деятельности оставались не регламентированы, что сдерживало ее развитие и вызывало вопросы законности относительно методов влияния на осужденных. По инициативе психологов в 2003 г. в установленном законом порядке ст. 12 УИК РФ была дополнена пунктом 6.1: «Осужденные имеют право на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи». На законодательном уровне также закреплен принцип

добровольности: «Психологическая помощь осужденным оказывается на добровольной основе». Впервые на законодательном уровне было закреплено право осужденных на психологическую помощь и признан субъект, осуществляющий соответствующие функции, – «сотрудники психологической службы и иные лица».

К сожалению, не все предложения отдела психологической службы нашли отражение в Законе. Во-первых, законодатель не определил, кто относится к «иным лицам». По нашему мнению, это специалисты, имеющие базовое психологическое образование или сертификат, подтверждающий специализацию в той или иной сфере психологической практики. Кроме того, эти лица должны соблюдать уголовно-исполнительное законодательство России, ведомственные нормативно-правовые акты и профессиональную этику пенитенциарного психолога. Во-вторых, в Законе не указано, что активное участие осужденных в психологических мероприятиях может рассматриваться как стремление к развитию социально значимых свойств личности и учитываться при решении вопроса об изменении условий содержания, а также условно-досрочном освобождении. В-третьих, не определены основные виды психологической работы в целом (психологическая диагностика, психологическая профилактика, психологический прогноз, оценка факторов риска повторного преступления, заключение – психологическая экспертиза о причинах самоубийства и др.) и, в частности, виды оказания психологической помощи осужденным (индивидуальное психологическое консультирование, социально-психологический тренинг, психологическая коррекция, психотерапия). Эти вопросы должны найти отражение в УИК РФ.

Учитывая, что психологическая служба УИС зарекомендовала себя важным субъектом исправительного процесса осужденных, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года четко указано, что одной из целей данного документа является «сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы»; психологическую работу рекомендовано включить в систему «средств исправления осужденных» [4]. Это важная законодательная новация, которая потребует также внесения изменений в подзаконные нормативные акты – приказы Министерства юстиции Российской Федерации, регламентирующие деятельность психологической службы. Особо тщательно следует подходить при определении нормативов времени на выполнение основных видов работ психолога, разработке типовой структуры и штатов психологической службы, при обосновании алгоритма действий по оказанию психологической помощи наиболее нуждающимся категориям осужденных. Успешность дальнейшего нормативно-правового обеспечения деятельности психологической службы во многом будет зависеть от взаимопонимания специалистов психологов и юристов.

Библиографический список

1. Документы ООН, касающиеся заключенных : сборник. М., 2000. 192 с.
2. О совершенствовании структуры и деятельности психологической службы УИС Минюста России : приказ Минюста России от 26 янв. 2000 г. № 14.
3. Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 12 дек. 2005 г. № 238.
4. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации

от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

5. Бартол К. Психология криминального поведения. СПб., 2004. 352 с.

6. Зубков А. И. Организационно-правовые аспекты реформирования уголовно-исполнительной системы, основные направления подготовки кадров // Информ. бюл. ГУИН Минюста России. 1999. № 44. С. 8–15.

7. Новоселова А. С. Психолого-педагогические основы взаимодействия убеждения и внушения как условие ресоциализации личности осужденных: теория и технология. Пермь, 1998. 224 с.

8. Опыт и актуальные проблемы совершенствования психологической службы уголовно-исполнительной системы : материалы науч.-практ. семинара. М., 1999. 352 с.

9. Поздняков В. М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность : монография. М., 2000. 270 с.

10. Утевский Б. С. Что надо знать работникам исправительно-трудовых учреждений о кибернетике. М., 1969. 25 с.

УДК 159.9:343.83

ЯНИНА НИКОЛАЕВНА ПОЛЯКОВА,

кандидат психологических наук,
начальник отдела разработки методологий
исполнения уголовных наказаний без лишения свободы,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru;

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ ПОЛЯКОВ,

начальник 4-го управления главного оперативного управления,
ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Для цитирования

Полякова, Я. Н. Специфика психологической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к служебной деятельности (сравнительный анализ) / Я. Н. Полякова, А. В. Поляков // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 75–79.

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности психологической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы. Специфика психологической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы определена на основе сравнительного анализа профессионально важных качеств оперативных сотрудников и сотрудников подразделений режима и надзора.

Ключевые слова: психологическая подготовка, профессиональная подготовка, профессионально важные качества, профессиональная деятельность сотрудников, психологический анализ деятельности.

Профессиональная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) постоянно совершенствуется в соответствии с предъявляемыми требованиями к личности сотрудника и организации его профессиональной деятельности. В целом система профессиональной подготовки в Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН России) разделяется на следующие направления: подготовка курсантов и слушателей в период обучения в образовательных организациях высшего профессионального образования ФСИН России, специальное первоначальное обучение, профессиональная переподготовка, повышение квалификации, обучение в процессе служебной деятельности [8]. Одной из основных задач по каждому направлению профессиональной подготовки является формирование высокой психологической устойчивости личности сотрудников, развитие у них наблюдательности, бдительности, памяти, мышления и других профес-

сионально-психологических качеств и навыков. В полной мере данная задача решается в процессе психологической подготовки сотрудников на всех этапах их служебной деятельности. В своем исследовании Б. Б. Казак и А. И. Ушатиков психологическую подготовку определяют как научно организованный и эффективно осуществляемый процесс формирования, повышения и поддержания высокого уровня психологической подготовленности сотрудников к решению оперативно-служебных задач [3]. В свою очередь, подготовленность – это наличие запаса необходимых знаний, навыков, опыта в какой-либо определенной области, приобретенных путем систематического обучения чему-либо или изучения чего-либо [9]. Мы солидарны с мнением исследователей по проблемам профессиональной подготовки (Г. И. Аксенова [1], А. Н. Баламут [2], Б. Б. Казак, А. В. Сперанская, А. И. Ушатиков и др.), что подготовленность сотрудника основана на системе профессионально важных качеств (ПВК). Как следствие – формирование и развитие ПВК сотрудников в процессе профессиональной подготовки, в частности психологической подготовки, обеспечивает необходимый уровень их подготовленности. Таким образом, психологическая подготовка различных категорий сотрудников, основанная на общих психологических принципах, должна быть дифференцирована согласно личностным особенностям, которые заключаются в специфике их ПВК.

В статье мы провели сравнительный анализ специфики психологической подготовки сотрудников УИС различных категорий. Исходя из задачи психологической подготовки сотрудников, следует отметить, что указанные психологические качества, взаимно дополняя друг друга, способствуют формированию системы ПВК сотрудников. Под профессионально важными качествами мы понимаем свойства субъекта деятельности, необходимые для ее выполнения на нормативно заданном уровне и положительно коррелирующие хотя бы с одним параметром ее эффективности [4].

Для выявления необходимых ПВК сотрудников необходимо провести психологический анализ их деятельности. Среди множества подходов к психологическому анализу профессиональной деятельности (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, П. К. Анохин, А. А. Деркач, Е. М. Иванова, А. В. Карпов, Е. А. Климов, Е. П. Ильин, Д. В. Ньюстром, К. Девис, В. Д. Шадриков и др.) для нашего исследования наиболее приемлемым представляется подход, основанный на системогенетическом анализе профессиональной деятельности В. Д. Шадрикова, который рассматривает трудовую деятельность как типичную функциональную систему [10]. Ученый выделяет следующие функциональные блоки психологической системы деятельности: мотивы деятельности, цели деятельности, программа деятельности, информационная основа деятельности, принятие решений, подсистема деятельностно важных качеств.

Результатом психологического анализа деятельности является система психологических свойств деятельности, а также определение психологической структуры деятельности. Психологические свойства деятельности, такие как целенаправленность, мотивированность, осознаваемость, произвольность, системность, активность, адаптивность, имеют свои особенности для разных видов профессиональной деятельности. Выявление психологических свойств и компонентов психологической структуры профессиональной деятельности сотрудников УИС позволяет оптимизировать их деятельность, в том числе в соответствии со спецификой этой деятельности.

Психологический анализ деятельности в рамках системогенетического подхода осуществляется на шести уровнях: мотивационно-ценностном, компонентно-целевом, структурно-функциональном, информационном, индивидуально-психологическом и психофизиологическом [4].

Результаты, полученные в ходе реализации психологического анализа деятельности на каждом уровне, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровни психологического анализа деятельности

Уровни психологического анализа деятельности	Результат
Мотивационно-ценностный уровень	Мотивационная сфера субъекта, мотивационный потенциал деятельности, оценка соотношения мотивационной сферы субъекта и мотивационного потенциала профессии
Компонентно-целевой уровень	Система информационных признаков и профессионально важных качеств
Структурно-функциональный уровень	Взаимосвязь ПВК и информационных признаков
Информационный уровень	Объективная и субъективная основа деятельности
Индивидуально-психологический уровень	Индивидуальные особенности конкретного субъекта деятельности
Психофизиологический уровень	Психофизиологические особенности профессии

Однако процедура проведения психологического анализа деятельности имеет свою специфику для различных профессий, а в нашем исследовании – для разных направлений деятельности сотрудников УИС.

Мы провели психологический анализ деятельности сотрудников оперативных подразделений и подразделений режима и надзора исправительных учреждений. Выбор именно этих категорий сотрудников обусловлен тем, что на них возлагаются наиболее важные задачи по обеспечению безопасности в пенитенциарных учреждениях, а также по недопущению преступлений со стороны спецконтингента.

Специфика профессиональной деятельности сотрудников отражается на всех уровнях психологического анализа: информационном, компонентно-целевом, личностно-мотивационном, структурно-функциональном, индивидуально-психологическом, психофизиологическом [4]. Вместе с тем для нашего исследования основными уровнями психологического анализа являются информационный, компонентно-целевой и структурно-функциональный.

Суть информационного уровня заключается в определении параметров эффективности профессиональной деятельности, которые выявляются в ходе анализа всех потоков информации, используемой в профессиональной деятельности [5]. В дальнейшем на компонентно-целевом уровне психологического анализа деятельности определяются именно те ПВК, наличие которых (или их развитие) обеспечивает высокий уровень определенных параметров эффективности служебной деятельности. На уровне информационного анализа выявляются те признаки, ориентируясь на которые сотрудник выполняет трудовые действия, устанавливаются способы получения им информации, необходимой для деятельности, изучается организация информационного потока во времени и т. п.

Психологический анализ деятельности на компонентно-целевом уровне состоит в рассмотрении функциональных обязанностей сотрудников, анализе нормативно-правовых актов, регламентирующих исполнение обязанностей по должности, и определении основных действий (алгоритмов). На этом уровне совершенно очевидно, что будут выяв-

лены специфические особенности рассматриваемых категорий сотрудников, которые в дальнейшем и отражаются в структурах их ПВК.

Однако уже на данном уровне анализа возникает сложность, которая заключается в том, что деятельность рассматриваемых категорий сотрудников происходит в постоянно изменяющихся условиях, поэтому задача алгоритмизации действий вызывает объективные трудности.

К особой категории относятся сотрудники оперативных подразделений УИС. Деятельность оперативных сотрудников связана в первую очередь с реализацией функций оперативно-розыскной деятельности. Основной особенностью служебной деятельности сотрудников подразделений режима и надзора является их ежедневная коммуникация со спецконтингентом в целях обеспечения режима и безопасности в учреждениях УИС.

В ранее проведенных исследованиях нами были выявлены ПВК сотрудников оперативных подразделений [6] и сотрудников подразделений режима и надзора [7], которые приведены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительная характеристика ПВК сотрудников оперативных подразделений и подразделений режима и надзора

ПВК сотрудников оперативных подразделений	ПВК сотрудников подразделений режима и надзора
Аналитико-синтетическое мышление в условиях дефицита времени	Эмоционально-волевые качества
Внутренняя эмоциональная саморегуляция	Поведенческо-регулятивные качества
Профессиональная мотивация	Дисциплинированность
Профессиональный артистизм	Коммуникативные качества
	Познавательная активность
	Организационные способности

Исходя из анализа представленных в таблице ПВК можно утверждать, что ряд качеств могут формироваться на основе некоторого общего набора личностных качеств. Вместе с тем имеются такие ПВК, которые характерны только для определенной категории сотрудников. Так, для оперативных сотрудников специфичными являются такие качества, как аналитико-синтетическое мышление в условиях дефицита времени, профессиональная мотивация. В свою очередь, профессиональный артистизм вполне может быть соотнесен с эмоционально-волевыми качествами, характерными для сотрудников подразделений режима и надзора. Для последних специфичными являются познавательная активность и поведенческо-регулятивные качества, поскольку сотрудники подразделений режима и надзора часто в течение всего рабочего времени находятся в постоянной коммуникации со спецконтингентом.

Таким образом, выявленные ПВК являются своеобразным ориентиром в направленности психологической подготовки сотрудников УИС различных категорий.

Проведенный сравнительный анализ позволил нам сформулировать следующие выводы:

психологический анализ деятельности на основе системогенетического подхода является мощным инструментом для выявления ПВК сотрудников по различным направлениям деятельности;

дифференцированный подход к организации психологической подготовки различных категорий сотрудников УИС, основанный на формировании и развитии ПВК, позволяет оптимизировать служебную деятельность и организовать эффективную психологическую поддержку сотрудников.

Библиографический список

1. Аксенова Г. И., Симакова Т. А. Педагогическая психология : курс лекций. Рязань, 2016. 224 с.
2. Баламут А. Н. Психологическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях : учеб. пособие. Вологда, 2013. 83 с.
3. Казак Б. Б., Ушатиков А. И. Профессиональная психологическая подготовка персонала исправительных учреждений : учеб. пособие. Рязань, 2006. 147 с.
4. Карпов А. В. Психологический анализ деятельности : учеб. пособие. Ярославль, 2005. 144 с.
5. Ломов Б. Ф. Личность как продукт и субъект общественных отношений // Психология личности в социалистическом обществе. М., 1989.
6. Поляков А. В., Полякова Я. Н. Мотивационная структура личности оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы в период вхождения в должность // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 2(39). С. 31–35.
7. Полякова Я. Н. Формирование профессионально важных качеств сотрудников подразделений безопасности исправительных учреждений УИС // Альманах научных трудов Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России : сб. докл. участников науч.-практ. мероприятий. Киров, 2016. С. 210–213.
8. Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 27 авг. 2012 г. № 169 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 41.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1983. Т. 3. 486 с.
10. Шадриков В. Д. Деятельность и способности. М., 1994. 320 с.

УДК 343.281

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА КАЗАКОВА,

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vera1313@yandex.ru;

СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ГАРНИК,

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: garnik-sergei@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАКАЗАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТРУДОВЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ

Для цитирования

Казакова, В. А. Совершенствование регламентации наказаний, связанных с трудовым воздействием / В. А. Казакова, С. В. Гарник // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 80–83.

Аннотация. В статье анализируется регламентация наказаний, связанных с трудовым воздействием; прогнозируется увеличение числа осужденных к этим наказаниям за счет введения уголовного проступка и сокращения краткосрочного лишения свободы.

Ключевые слова: обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, уклонение от отбывания наказания, уголовный проступок.

В последние годы в уголовной политике прослеживается тенденция расширения начал гуманизации в наказуемости преступлений. Ее воплощение идет по нескольким направлениям:

а) декриминализация ряда преступлений, в том числе путем перевода их в административные правонарушения;

б) расширение составов с административной преюдицией;

в) увеличение оснований освобождения от уголовной ответственности и от наказания: за ряд экономических преступлений, за счет назначения судебного штрафа, путем расширения категорий лиц, которым может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания;

г) расширение специальных случаев освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в примечаниях статей Особенной части, связанных с деятельным раскаянием, а также в целях недопущения или минимизации вредных последствий;

д) введение существенных ограничений для назначения лишения свободы за преступления небольшой тяжести и т. д.;

е) ослабление пенализации путем исключения из санкций значительной части преступлений нижнего предела и т. д.

Наиболее масштабные изменения ожидают уголовное законодательство в связи с возможным введением понятия «уголовный проступок». Последний определяется как «совершенное впервые преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы». Понятие «впервые совершенное преступление» уточняется путем указания на отсутствие не только судимости, но и факта освобождения от уголовной ответственности или наказания в течение последних трех лет до совершения деяния.

Предусматривается, что лицо, совершившее уголовный проступок, должно быть подвергнуто судом одной из иных мер уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, обязательных работ или исправительных работ, исполнение или отбытие которой означает для виновного освобождение от уголовной ответственности. При этом альтернативы в виде привлечения виновного в уголовном проступке к уголовной ответственности у суда нет. Это основание освобождения от уголовной ответственности предлагается считать условным, так как злостное уклонение от уплаты штрафа, отбывания обязательных работ или исправительных работ влечет за собой отмену соответствующей иной меры уголовно-правового характера и привлечение лица к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ.

Такие же последствия для виновного может повлечь за собой впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести, если лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. В данном случае речь идет не об обязанности, а о возможности суда освободить лицо от ответственности с применением иной меры уголовно-правового характера.

Согласно санкциям статей УК РФ в настоящее время около 80 составов преступлений могут претендовать на отнесение их к уголовному проступку. Среди них есть как умышленные, так и неосторожные, посягающие на различные объекты уголовно-правовой охраны.

С точки зрения влияния новаций на уголовную политику и судебную практику изменения будут связаны не столько с введением уголовного проступка, сколько с возможностью неназначения лишения свободы за преступления небольшой и средней тяжести. В настоящее время около трех четвертей осужденных – это лица, совершившие преступления небольшой или средней тяжести.

Не исключена также трансформация тяжкого преступления в категорию средней тяжести в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ и освобождение от уголовной ответственности с применением иной меры уголовно-правового характера. Это приведет к значительному сокращению числа лиц, отбывающих лишение свободы, так как подавляющее большинство – это осужденные на срок до 2 лет.

Единственное (в отсутствие конфискации имущества) наказание, которое можно отнести сегодня к имущественным, – это штраф. Как показала практика, оно малоэффективно, хотя и широко предусмотрено в качестве административного или уголовного наказания, а также иной меры уголовно-правового характера.

Ограничение свободы обладает очень незначительным карательным потенциалом, поэтому не может стать серьезной альтернативой лишению свободы.

Наиболее перспективны в качестве видов наказания – это меры, связанные с трудовым воздействием, – обязательные работы, исправительные работы и принудительные работы.

Все это позволяет прогнозировать существенное увеличение нагрузки на уголовно-исполнительные инспекции и исправительные центры, которые вынуждены будут исполнять наказания в отношении лиц, получивших наказания, связанные с трудовым воздействием, вместо краткосрочного лишения свободы.

Регламентация обязательных и исправительных работ к настоящему времени вызывает меньше вопросов, чем сравнительно новая мера (если не считать, что в УК РСФСР аналогичное воздействие предусматривалось условным осуждением и условным освобождением с обязательным привлечением к труду, в УК РФ – так и не вступившее в силу наказание в виде ограничения свободы в его прежней редакции (до 2009 г.) – принудительные работы).

В редакции ст. 53.1 УК РФ заложено внутреннее противоречие – когда основное наказание является альтернативой лишению свободы и даже при первоначальном выборе судом наказания возможно только после назначения лишения свободы. Эта условие противоречит системе наказаний и механизму их назначения судом.

Более того, в ряде санкций, предусматривающих принудительные работы (ч. 1, 2 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6, ч. 1, 2 ст. 200.1 УК РФ), их применение невозможно, так как в санкции отсутствует лишение свободы.

Такая же юридическая фикция заложена в ряде санкций статей УК РФ в связи с положением ч. 2 ст. 53.1 УК РФ о том, что при назначении судом наказания в виде лишения свободы на срок более пяти лет принудительные работы не применяются. Поскольку санкции ч. 4 ст. 110.1, ч. 1.1 ст. 212, ч. 2 ст. 282.3 и ч. 4 ст. 296 УК РФ включают в себя лишение свободы от 5 до 10 лет, то заменить назначенное наказание принудительными работами по общему правилу невозможно, то есть принудительные работы в вышеназванных десяти статьях являются юридической фикцией по причине отсутствия в санкции лишения свободы или наличия лишения свободы на срок свыше 5 лет.

Не отличаются единообразием условия замены наказаний, связанных с трудовым воздействием, более строгой мерой. Так, обязательные и исправительные работы могут быть заменены принудительными работами или лишением свободы в случае злостного от них уклонения.

В соответствии со ст. 30 УИК РФ злостно уклоняющимся от отбывания обязательных работ признается осужденный:

- а) более двух раз в течение месяца не вышедший на обязательные работы без уважительных причин;
- б) более двух раз в течение месяца нарушивший трудовую дисциплину;
- в) скрывшийся в целях уклонения от отбывания наказания.

В соответствии с ч. 3 ст. 46 УИК РФ злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный, допустивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания (а именно: неявку на работу без уважительных причин в течение пяти дней со дня получения предписания уголовно-исполнительной инспекции; неявку в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин; прогул или появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения) после объявления ему предупреждения в письменной форме за любое из указанных в ч. 1 указанной статьи нарушений, а также скрывшийся с места жительства осужденный, местонахождение которого неизвестно.

Для отбывающих принудительные работы важен факт уклонения (о злостности ни в УК РФ, ни в УИК РФ не упоминается). В соответствии с ч. 1 ст. 60.17 УИК РФ уклоняющимся от отбывания принудительных работ признается осужденный к принудительным

работам: уклоняющийся от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания; не прибывший к месту отбывания принудительных работ в установленный предписанием срок; не возвратившийся в исправительный центр по истечении разрешенного срока выезда; самовольно оставивший исправительный центр, место работы и (или) место проживания, определенные администрацией исправительного центра, на срок свыше 24 часов.

Кроме того, если речь идет о злостном уклонении от обязательных или об уклонении от принудительных работ, законодатель использует императивную формулировку «они заменяются», а при злостном уклонении от исправительных работ – формулировку «суд может заменить», что означает и возможность не заменять наказание на более строгое. Чем объяснить такое расхождение – непонятно.

Таким образом, бессистемный подход к употреблению терминов «уклонение» в отношении принудительных работ и «злостное уклонение» в отношении обязательных и исправительных работ, а также предоставление суду выбора в отношении замены более строгим наказанием для отбывающих исправительные работы и предписание суду осуществить такую замену для уклоняющихся от обязательных или принудительных работ требует изменений в УК РФ и УИК РФ с целью унификации подхода к регламентации наказаний, связанных с трудовым воздействием.

Следует также поддержать законодательные инициативы по приданию принудительным работам статуса основного наказания, назначаемого самостоятельно без связи с лишением свободы. Для лиц, уже отбывающих лишение свободы, представляется целесообразным замена этого наказания принудительными работами, поскольку очень близким к ним аналогом (а по некоторым позициям и более мягким) является отбывание лишения свободы в колониях-поселениях.

УДК 343.822

МАКСИМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ СТЕПАНОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПИТАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ
К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ»,
ПОДГОТОВЛЕННУЮ АВТОРСКИМ КОЛЛЕКТИВОМ
ПОД НАУЧНЫМ РУКОВОДСТВОМ
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТА А. П. СКИБЫ
И ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТА А. А. КРЫМОВА**

Для цитирования

Степанов, М. В. Рецензия на монографию «Принудительное питание осужденных к лишению свободы», подготовленную авторским коллективом под научным руководством доктора юридических наук, доцента А. П. Скибы и общей редакцией доктора юридических наук, доцента А. А. Крымова / М. В. Степанов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 1. – С. 84–85.

Аннотация. Рецензент отметил актуальность, теоретическое и практическое значение проведенного исследования «Принудительное питание осужденных к лишению свободы», описал его структуру, особо выделил положительные аспекты монографии, а также указал ее возможный недостаток. Сделан вывод о целесообразности издания данной монографии.

Ключевые слова: рецензия, монография, принудительное питание осужденных к лишению свободы, этапы принудительного питания, особенности правового положения участников принудительного питания.

Принудительное питание осужденных к лишению свободы – один из наименее изученных институтов уголовно-исполнительного права. Актуальность подобного исследования не вызывает сомнений. Как верно указывают авторы, регулирование данного института фрагментарное, так как на законодательном уровне принудительное питание осужденных к лишению свободы регулируется только в ч. 4 ст. 101 УИК РФ и вообще не упомянуто, в частности, в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295, в

Правилах внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста России от 6 октября 2006 г. № 311, и в приказе Минздравсоцразвития России № 640, Минюста России от 17 октября 2005 г. № 190 «О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу». Кроме того, несмотря на наличие отдельных научных работ, по-прежнему не исследованными остаются многие вопросы и проблемы (неясны составные части института принудительного питания осужденных, отсутствует надлежащая регламентация действий медицинских, оперативных, режимных и иных сотрудников исправительных учреждений, законодательно не закреплена форма отказа осужденного от приема пищи и пр.). В связи с этим можно с уверенностью сказать, что институт принудительного питания осужденных к лишению свободы требует подобных монографических исследований и авторы постарались проанализировать не только сугубо юридические, но и психологические, медицинские и иные вопросы.

Авторский коллектив включает в себя более 10 специалистов из различных подразделений ФСИН России: управления режима и надзора ФСИН России, Академии ФСИН России и ее Псковского филиала, Кузбасского института ФСИН России и Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.

Монография разделена на три главы, в которых исследуются:

- 1) развитие и современное состояние института принудительного питания осужденных к лишению свободы;
- 2) отечественное регулирование, международные аспекты и зарубежный опыт применения института принудительного питания осужденных к лишению свободы;
- 3) теоретико-нормативные аспекты совершенствования института принудительного питания осужденных к лишению свободы, его этапы и особенности правового положения участников рассматриваемого института.

Помимо сугубо теоретических, практических и иных вопросов повышения эффективности института принудительного питания осужденных к лишению свободы, авторским коллективом дополнительно предлагаются редакции ряда норм УИК РФ, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и иных нормативных правовых актов. В связи с этим очевидна комплексность проведенного исследования.

К возможному недостатку данной работы можно отнести отсутствие предложений по закреплению хотя бы общих положений подзаконного акта, который в принципе должен подробно урегулировать многочисленные аспекты применения института принудительного питания осужденных к лишению свободы, включая не только медицинские, но и воспитательные, режимные и другие вопросы. Однако это замечание не снижает высокой положительной оценки проведенного исследования.

Таким образом, монография на тему «Принудительное питание осужденных к лишению свободы», подготовленная коллективом авторов (А. В. Дергачев, Ю. А. Кашуба, А. А. Крымов, А. П. Скиба, В. Е. Южанин и др.) обладает актуальностью, имеет теоретическое и практическое значение, а также достойна опубликования.

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

NIKOLAY ALEKSEEVICH STRUCHKOV AND MIKHAIL PETROVICH MELENTIEV DEDICATED

Vladislav Nikolaevich Orlov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of Criminology & Penal Law Department, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

THE IDEAS OF PROFESSOR N. A. STRUCHKOV DEVELOPMENT ASPECTS OF PENAL LAW

Recommended citation

Orlov, V. N. 2018, 'The ideas of professor N. A. Struchkov development aspects of penal law', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, p. 8–13.

Abstract. Relying on Struchkov's ideas in the article the author determines the number of development directions in penal law. Among other things, the necessity of expanding the subject of penal law and the development of the penal procedural code of the Russian Federation is proved.

Keywords: ideas of N.A. Struchkov, punitive effect of criminal punishment, the subject matter of penal law, penal procedural code.

References

- Struchkov, N. A. 1979, 'Correctional labor law penal law', *Soviet state and law*, vol. 1.
- Skiba, A. P. 2017, 'On the question of separation of criminal law, penal law and penal procedural code regulation', *Bulletin of University named after O. E. Kutafin*, vol. 7, pp. 69–76.
- Orlov, V. N. 2010, 'New Penal code of the Russian Federation is necessary: criminal penological view', *Russian criminological view*, vol. 2, pp. 368–373.
- Skiba, A. P. 2014, 'Some issues of separation of criminal law and penal law regulation', *Man: crime and punishment*, iss. 3, pp. 46–50.
- Orlov, V. N. 2015, *Imposition and of criminal punishment: Doctor of Juridical Sciences dissertation*, Moscow.
- Struchkov, N. A. 1967, 'Soviet correctional labor', in A. E. Natashev, N. A. Struchkov, *Theory basis of correctional labor*, ch. 1, para. 5, Moscow.
- Orlov, V. N. & Eminov, V. E. 2010, 'Notion, subject matter & method of penal law', in V. E. Eminov & V. N. Orlov (eds), *Russian penal law*, 2 vols, vol. 1, *General part*, ch. 1, para. 2, Moscow State university named after O. E. Kutafin, Moscow.
- Orlov, V. N. & Eminov, V. E. 2012, 'Notion, subject matter and method of penal law', in V. E. Eminov & V. N. Orlov (eds), *Russian penal law. Gneral and basic parts*, ch. 1, para. 1.2, Jurajt, Moscow.
- Maznyak, K. V. 1977, 'On the question of the penal law', in *Problems of crime prevention*, pp. 74–75, Leningrad.
- Struchkov, N. A. 1979, 'Social policy of the socialist state and legal norms of execution of punishment', in *Complex development of problems of execution of punishment: Collection of research papers of All-Russian Research Institute of the Ministry of Justice of the USSR*, no. 50, Moscow.

Struchkov, N. A. 1957, 'The contents of the Soviet correctional labor law and its importance for codification development of criminal law', in *Materials of the academic forum on the Soviet correctional labor law (May, 1957)*, Moscow.

Struchkov, N. A. 1962, 'Theoretic issues of Soviet correctional labor categorization', in *Theoretic issues of Soviet correctional labor categorization*, Juridicheskaja literatura, Moscow.

THE THEORY OF PENAL LAW

Valentina Ivanovna Zubkova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Chief Research Worker of the Law Department, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Recommended citation

Zubkova, V. I. 2018, 'Principle of justice in the Criminal law of the Russian Federation', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 14–18.

Abstract. The article reveals the principle of justice, its concept in criminal law, in particular, in regards to punishment. The effectiveness of punishment in achieving its objectives is determined by the system of criminal penalties, their duration and terms, the structure of sanctions, criminalization and decriminalization of acts. If the principle of justice is violated while imposing a punishment it does not bring any benefit.

Keywords: crime, penalty, justice, benefit of punishment, criminalization of acts, alternative sanctions, problem of many-fold fine.

CRIMINAL ACTIVITY: HISTORICAL ASPECTS

Olga Ivanovna Malchuk, Doctor of Historical Sciences, Chief Research Worker, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: molga.77@yandex.ru;

Niklay Victorovich Rumyantsev, Doctor of Juridical Sciences, Leading Research Worker, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation

THE HISTORY OF JUVENILE JUSTICE IN RUSSIA

Recommended citation

Malchuk, O. I. & Rumyantsev N. V. 2018, 'The history of juvenile justice in Russia', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 19–24.

Abstract. The author deals with the history of juvenile justice establishment in Russia. On the basis of the executed research it is concluded that many justice ideas concerning with juveniles have been developed and consolidated in the effective criminal procedure legislation of the Russian Federation.

Keywords: juvenile justice, juvenile courts, minors, Commissions for the Affairs of Minors, criminality.

References

Gernet, M. N. 1924, *Social and legal protection of childhood abroad and in Russia*, Publishing house «Law and Life», Moscow.

Kabilova, S. A. & Shtykova, N. N. 2000, *Juvenile courts in the USA, Great Britain and Russia: comparative legal analysis*, Publications and printing office of Vladimir State University, Murom.

Kudryavtseva, G. A., Mustafaeva, F. A. & Orlova G. V. 2001, *Problems of child neglect and homelessness in modern Russia*, Magnitogorsk State University, Magnitogorsk.

Melnikova, E. B. 1998, 'From the history of Russian juvenile justice system', *Human rights defenders*, no. 3, pp. 86–92.

Melnikova, E. B. 1993, 'Court reform in Russia and juvenile justice problems', in *Judicial power: beliefs and reality: Collection of scientific articles*, Manuscript, Moscow.

Mikhaylov, A. P. 2001, *Correctional means system for juveniles in the process of execution of the sentence*, Moscow Open Social University, Moscow.

Pudovochkin, Yu. E. 2002, *Juvenile criminal law: concept, history, modernity: Doctor of Juridical Sciences dissertation abstract*, Volgograd.

Ryabykh, S. B. 2015, 'Current problems of legal regulation of penal sentence executing and serving in respect of convicted prisoners in educational colonies', *Penal law*, no. 2, pp. 63–66.

Starodubtsev, Yu. I. 1998, *Special courts for juveniles in Russia: historic and legal aspect: Candidate of Juridical Sciences dissertation*, St. Petersburg.

Skrylnikov, K. A. 2004, *Imposition and execution of criminal penalties connected with isolation in respect of juveniles: Candidate of Juridical Sciences dissertation abstract*, Rostov-on-Don.

Nuzhdin, A. A. 2016, 'Tactical operation structure carried out in order to prevent the crimes with the use of telecommunications systems in correctional institutions', *Law and Rights*, no. 10, pp. 125–126.

Oksana Nikolaevna Yakovleva, *Candidate of Juridical Sciences*, Associate Professor, senior research worker of the Department of National and International practices, of the Penal system history, of the Penal Law Comparative analysis, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF PENAL SYSTEM TRANSFER TO COMPETENCE THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN EMPIRE

Recommended citation

Yakovleva, O. N. 2018, 'Historical and legal aspects of penal system transfer to competence the Ministry of justice of the Russian Empire', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 25–30.

Abstract. In 2018 there will be the 20th anniversary of the transfer of the penal system to the competence of the Ministry of justice of the Russian Federation. This is a good opportunity to turn to the historical experience of legal and scientific solution of this issue during the Russian Empire period, namely to 1895 – the time of the first transfer of the penitentiary system to the Ministry of justice. The transition of the prison system to the jurisdiction of the Ministry of justice has created favorable conditions for overcoming the crisis of the prison system. In the person of the Minister of justice two important principles were united which were necessary for the imprisonment execution, the humanization of the prison, i.e. the prison reform implementation and the new legislative basic creation.

The penitentiary policy on the criminal penalties execution at the new stage of its implementation becomes more balanced. This is manifested in the action coordination between the various law enforcement agencies: the court, the Prosecutor's office, the prison inspectorate, the police, the guardianship committees for the accurate legislation application, as well as the creation of conditions for sentence execution.

Keywords: the Ministry of justice of the Russian Empire, Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, prison reform, Head prison service, penitentiary system.

References

Zubkova, V. I., Kazak, B. B., Lukina, Yu. V., Parshkov, A. V. & Smirnova, I. N. (comp.) 2010, *Collection of selectas of Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honoured Worker of Science of the RSFSR A. I. Zubkov*, 4 vols, vol. 2, Pskov Law Institute of the FSP of Russia, Pskov.

Russian State Historical Archive, fund 1409, inventory 6, case 89, p. 751.

Gogel, S. K. 1897, *Prisoners' labor in Russian and foreign prisons*, Printing house of the Directing Senate, St. Petersburg.

Speransky, M. M. 1905, *State reform plan (Introduction to the Code of State Laws 1809)*, Printing house of Partnership of I. N. Kushnerev & K. Pimen, Moscow.

Alekseev, V. I. 2008, *Penitentiary policy of Russia in the second part of XIX – beginning of XX centuries*, Publishing house of Tumen State University, Tumen.

Poznyshchev, S. V. 1915, *Essays on prisons study*, Publishers G. A. Leman & B. D. Pletnev, Moscow.

On transfer of prison management to the competence of the Ministry of Justice in France 1900, *Journal of the Ministry of Justice*, no. 9, p 150.

Foynitsky, I. Ya. 1900, *At leisure: Collection of juridical articles and research works from 1870*, vol. 2, Printing house of M. M. Stasulevich, St. Petersburg.

Petrenko, N. I. 2002, *The establishment and development of the penal system of Russia: Doctor of Juridical Sciences dissertation*, Ryazan.

THE PURPOSES OF THE PENAL LEGISLATION AND THEIR ACHIEVEMENT

Elena Eduardovna Popova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, e-mail: anatelsvetjen@mail.ru

IS SOCIAL INFLUENCE BEING EXERCISED AS A MEANS OF CORRECTION OF CONVICTS SENTENCED TO LIFE IMPRISONMENT?

Recommended citation

Popova, E. E. 2018, 'Is social influence being exercised as a means of correction of convicts sentenced to life imprisonment?', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 31–33.

Abstract. In the article the author deals with the problem of participation of public organizations in the correction process of convicts sentenced to life imprisonment, carries out comparative analysis of the legal confirmation of social influence as the main means of convicts' correction which can be applied to any type of criminal punishment, and emphasizes the specifics of its application to prisoners serving a sentence of life imprisonment.

Based on the results of the survey conducted by H. T. Madaev, it is concluded that public influence as a correction means of this category of convicts is implemented in a reduced form, although it has good prospects for wider application.

Keywords: correction, public influence, convict, criminal punishment, life imprisonment, correctional institutions.

References

Moskvin, S. V. 2011, 'Legal provision of punishment execution in the form of life imprisonment', *Bulletin of Vyatka State University*, no. 2–5, pp. 181–183.

In "White swan" the priests heal the convicts 2017, viewed 18 December 2017, http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=5065&sphrase_id=1061951.

Madaev, H. T. 2012, 'Civil society institutions and reformation of convicts sentenced to life imprisonment', *Lawyer*, no. 1 (50), pp. 122–125.

Ekaterina Dmitrievna Kharitonovich, Graduated Atudent of the Academic Staff Training Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kattu-sha1992@rambler.ru

SOME ISSUES OF RECIDIVISM PREVENTION ARISING DUE TO DIFFERENT ILLNESSES OF CONVICTS SENTENCED TO RESTRICTION OF LIBERTY

Recommended citation

Kharitonovich, E. D. 2018, 'Some issues of recidivism prevention arising due to different illnesses of convicts sentenced to restriction of liberty', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 34–38.

Abstract. Some problems of execution of punishment in the form of restriction of liberty concerning sick convicts and recidivism prevention are considered in the article. The author suggests the ways of improvement of the penal legislation including in regards of illness treatment as the main means of sick convicts correction.

Keywords: punishment penal inspections-исполнительные инспекции, sick convicts, disabled people, restriction of liberty.

References

Skiba, A. P. 2013, *Execution of penalties in regards to sick condemned: theoretical and practical research: Doctor of Juridical Sciences dissertation abstract*, Ryazan.

Kudryavtsev, V. N. 1976, *Causes of offences*, Moscow.

Krymov, A. A. & Skiba, A. P. 2015, *Execution of imprisonment in regard to the sick convicts*, Ryazan.

PENAL INSTITUTIONS AND BODIES AND THEIR LEGAL ACTIVITY

Vladimir Ivanovich Ogorodnikov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of Penal System Activity Management and Organization Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ogorodnikov_v.i.@yandex.ru

MANAGEMENT IMPROVEMENT OF THE ACTIVITY OF PENAL SERVICE INSTITUTIONS

Recommended citation

Ogorodnikov, V. I. 2018, 'Management improvement of the activity of penal service institutions', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 39–44.

Abstract. In the article the author analyzes the issues of the current condition of correctional institutions of the penal system, as well as the prospects for its further development, proposes a number of new goals of the penal system associated with the improvement of its functioning in modern society.

Keywords: penal system, correctional institutions, development, functioning (operation).

References

Brief description of the Penal system 2017, viewed 7 August 2017, <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/kratkaya%20har-ka%20UIS>.

In the Federal Penal Service the results of activities for 2016 were summed up, viewed 7 August 2017, [http://фсин.рф/пе\уз\тс1ех.р11р?ЕЪЕМЕ\]Ч\[Т_Ю=3072282](http://фсин.рф/пе\уз\тс1ех.р11р?ЕЪЕМЕ]Ч[Т_Ю=3072282).

Report on the results and main directions of the Federal Penal Service activities in 2015, Moscow.

THE EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENTS NOT RELATED TO DEPRIVATION OF LIBERTY

Elena Vladimirovna Nechaeva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Criminal Law Disciplines Department, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russian Federation, e-mail: nechaeva_ev@mail.ru

TRANSFORMATION ASPECTS OF PUNISHMENT IN THE FORM OF COMPULSORY LABOR

Recommended citation

Nechaeva, E. V. 2018, 'Transformation aspects of punishment in the form of compulsory labor', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 45–49.

Abstract. The author analyses theoretical and practical aspects of punishment application in the form of compulsory labor, suggests possible alternatives of further development and aspects of its application as an independent type of punishment, expresses the point of view about modification of compulsory labor with possible transformation into a new type of criminal punishment connected with obligatory labor activity.

Keywords: penal policy, the system of penal punishments, convicts, compulsory labor, correctional centers, penal settlement.

References

Nechaeva, E. V. 2013, 'Realization problems of punishment in the form of liberty restriction', *Modern problems of law science and law enforcement practice: Digest of the III International scientific research conference (Cheboksary, 12 December 2013)*, pp. 342–350, Chuvash University, Cheboksary.

Chudinov, A. P. 1910, *Foreign vocabulary comes into Russian language*, viewed 5 December 2017, <http://www.dic.academic.ru>.

Stepashin, V. M. 2015, 'Application problems of compulsory labor', *Bulletin of Omsk university. Law Series*, no. 4(45), pp. 156–161.

Parfinenko, I. P. & Antonets A. S. 2014, 'Penal settlements as the alternative to compulsory labor', in *Law enforcement bodies' activities in the modern conditions: Materials of the XIX International scientific research conference*, pp. 85–87, Irkutsk.

Tatyana Ivanovna Belukova, Graduated Student of Academic Staff Training Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: tatyana.belyukova@mail.ru

OPERATIONAL INVESTIGATIVE PREVENTION OF CRIMES COMMITTED BY THE SENTENCED TO PUNISHMENTS NOT CONNECTED WITH ISOLATION FROM SOCIETY

Recommended citation

Belukova, T. I. 2018, 'Operational investigative prevention of crimes committed by the sentenced to punishments not connected with isolation from society', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 50–52.

Abstract. In the article the author defines the tasks of operational investigative prevention, emphasizes the uniqueness of operational investigative units which have individual functions of the operational investigative activities application. The results of these functions are important for the detection, suppression and investigation of crimes. The importance of operational investigative activities in prevention of crimes committed by convicts is noted. The author analyzes

the available opportunities of the realization of operational-investigative prevention of crime committed by condemned persons whose sentence has been suspended due to pregnancy or the presence of young children.

Keywords: operational investigative activities, prevention, crime, convict, suspension of a sentence, pregnant women, young children.

References

Bakunchev, A. G. 2015, 'Criminological characteristics application of operational-investigative prevention of violent crimes of prisoners against the penal institutions staff', *Penal law*, no. 1 (19), pp. 34–39.

Antonyan, Yu. M., Grishko, A. J. & Filchenko A. P. (eds) 2009, *Penitentiary criminology*, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan.

Chistyakov, K. A. 2014, *Criminological characteristics and prevention of murders committed by probationers: Candidate of Juridical Sciences dissertation*, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan.

THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES ASSOCIATED CUSTODIAL

Sergey Lvovich Babayan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Senior Research Worker, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: bsl09@mail.ru

ON THE DEVELOPMENT CONCEPT OF THE INCENTIVE REGULATIONS AND INSTITUTIONS APPLIED TO CONDEMNED IN PENAL SERVICE BODIES AND INSTITUTIONS

Recommended citation

Babayan, S. L. 2018, 'On the development concept of the incentive regulations and institutions applied to condemned in penal service bodies and institutions', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 53–55.

Abstract. The article is devoted to issues of incentive impact on convicts and expediency of the development concept of incentive regulations and institutions applied to condemned persons in penal system institutions aimed at expansion of the possibilities of punishment classification, improvement of correctional impact efficiency and assurance of their successful social adaptation to life in society.

Keywords: incentive impact, concept of the incentive regulations and institutions, institution of commutation of sentence, positive incentive of law-abiding behavior of the condemned.

References

Babayan, S. L. 2014, *Incentive institutions of the penal law (theory and practice): Doctor of Juridical Sciences dissertation*, Moscow.

Grekov, M. L. 2000, *Prison systems: conditions, prospects: Candidate of Juridical Sciences dissertation*, Krasnodar.

Zhabsky, V. A. 2010, *Criminal penalty in the Russian Federation and abroad*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Krasnov, Yu. A. 2011, 'Foreign experience of execution of punishment in the form of deprivation of liberty in regards to the juveniles', *Bulletin of the penal system*, no. 7, pp. 12–17.

Elena Vassilievna Sereda, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the National Security and Law Enforcement Activities Department, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: evs.54@mail.ru

DEVELOPMENT TENDENCIES OF MEDICAL TREATMENT FOR CONVICTS

Recommended citation

Sereda, E. V. 2018, 'Development tendencies of medical treatment for convicts', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 56–58.

Abstract. In the article the author analyzes the development tendencies of medical care for convicts and suggests the ways of its improvement. Despite the rather controversial tendencies in the provision of medical treatment to convicted prisoners, in the recent years several ways of its improvement have been outlined. Some of them seemed to be unpromising, and some of them give us hope to change the situation with the provision of medical care to convicts for the better.

Keywords: medical care, the Constitution of the Russian Federation, Penal Code of the Russian Federation, suspects, accused, convicts.

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF CRIMINAL PUNISHMENT EXECUTION

Ivan Vladimirovich Dvoryanskov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Worker, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: diw@yandex.ru

ON THE FOREIGN EXPERIENCE CONSIDERATION OF TECHNICAL MEANS APPLICATION FOR CONTROL OF THE CONDEMNED PERSONS (EVIDENCE FROM THE USA)

Recommended citation

Dvoryanskov, I. V. 2018, 'On the foreign experience consideration of technical means application for control for the condemned persons (evidence from the USA)', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 59–61.

Abstract. The article is devoted to the foreign experience of electronic monitoring application during the execution of non-custodial sentences. The author considers the example of the United States which can be used to improve the efficiency and optimization of technical support for the convicts' behavior control.

Keywords: electronic monitoring, supervision, ankle bracelet, convicts' behavior control.

References

Dvoryanskov, I. V. & Burmakin, G. A. 2015, 'Foreign experience of technical means application for convicts' control', in A. A. Votinov (ed.) *Imposition and execution of punishments without imprisonment and other measures of criminal law: Materials of the III All-Russian scientific and practical conference (27 March 2015)*, pp. 63–67, Samara Law Institute of the FPS of Russia, Samara.

Dvoryanskov, I. V. & Burmakin, G. A. 2017, 'Experience of technical means application for convicts' control in Great Britain and France', in A. A. Babkin (ed.) *IT of the Penal system activities today: Digest of the scientific practical seminar*, pp. 22–25, Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia, Vologda.

Aleksandr Petrovich Nekrasov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal and Penal Law Department, Samara Law Institute of the FPS of Russia, Samara, Russian Federation, e-mail: nekrasov.aleksandr@mail.ru

INTERNATIONAL ACTS PROVIDING SAFE AND HUMANISTIC APPROACH TO CONVICTS IN PENAL INSTITUTIONS

Recommended citation

Nekrasov, A. P. 2018, 'International acts providing safe and humanistic approach to convicts in penal institutions', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 62–66.

Abstract. The author analyzes international acts guaranteeing the rights and freedoms and security of in places of isolation in the Russian Federation; international acts and penal enforcement legislation of the Russian Federation in terms of humanization of prisoners' treatment in the penitentiary sphere and various means of encouragement aimed at their correction stimulating; considers the rules of international law application to convicted persons in the United States, Norway, France, Finland and conducts their comparative legal analysis.

Keywords: international acts, convicts' correction, international law norm effect (influence), comparison legal analysis, international practices.

References

Zhavoronkov, A. 2000, *Prisons of XXI century. The discussion takes place in France – what should the prison be in XXI century*, viewed 5 September 2017, <http://index.org.ru/nb/2000/frpri.html>.

Podzyvalov, O. A. 2015, 'International experience of prisoners' labor organization', in *Collection of speeches and reports abstracts of the participants of the II International penitentiary forum «Crime, punishment, correction»*, vol. 7, pp. 215–218, Ryazan.

Poznyshev, S. V. 1923, *Basis of the penitentiary science*, Moscow.

Natalya Borisovna Khutorskay, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Member of the Board of Directors, PRI (Prison Reform International), Moscow, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

LIFE IMPRISONMENT IN THE WORLD PRACTICE

Recommended citation

Khutorskay, N. B. 2018, 'Life imprisonment in the world practice', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 67–69.

Abstract. In the article the author analyzes a preliminary report on the study of life imprisonment in different countries of the world conducted by British scientists from Nottingham University. The conclusions drawn by the British colleagues deserve to be studied and understood for further improving of national legislation and law enforcement practice.

Keywords: life imprisonment, types of life imprisonment, human rights.

References

United Nations Office at Vienna 1999, *Crime Prevention and Criminal Justice Branch, Life Imprisonment*, United Nations, Vienna.

Appleton, C. & Dirk van ZylSmit, 2017, *Summary Report on Life Imprisonment Worldwide*, School of Law, University of Nottingham.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL BASES OF EXECUTION OF PUNISHMENTS

Mikhail Georgievich Debolsky, Candidate of Juridical sciences, Associate Professor, Leading Scientific Worker, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: mdebolsky@mail.ru

LEGAL PROVISION OF ACTIVITIES OF THE PENAL SYSTEM PSYCHOLOGICAL SERVICE AT DIFFERENT STAGES OF ITS DEVELOPMENT

Recommended citation

Debolsky, M. G. 2018 'Legal provision of activities of the penal system psychological service at different stages of its development', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 70–74.

Abstract. In the article the author analyzes the international documents and penal legislation regulating the psychological services operation in the penitentiary system. He reveals the directions of improvement of legal provisions of activity of psychological service in the penal system nowadays.

Keywords: psychological service, penal law, convicts' rights for psychological aid, penitentiary psychologist activity.

References

UN documents concerning convicts 2000. Human rights, Moscow.

On the improvement of psychological service structure and activities in the penal system of the Ministry of Internal affairs of Russia: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 26 January 2000, No. 14.

Concerning the approval of management instruction for activities of psychological service of the penal system: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 12 December 2005, No. 238.

Concerning the approval of the Development Concept of the Penal System of the Russian Federation till 2020: Russian Government Resolution of 14 October 2010, No. 1772-p.

Bartol, K. 2004, *Criminal behavior psychology*, Prime-Euroznak, St. Petersburg.

Zubkov, A. I. 1999, 'Procedural and institutional aspects penal system reform, key focuses of staff training', *Information bulletin Main Directorate of the Federal Penal Service of the Ministry of Internal affairs of Russia*, no. 44, pp. 8–15.

Novoselova, A. S. 1998, *Psychological and pedagogical support of interaction of convincing and admonition as the means of personality re-socialization of convicts: theory and technology*, Perm State Pedagogy University, Perm.

Experience and actual problems of psychological service improvement in the penal system: Materials of scientific practical seminar 1999, Main Directorate of the FPS of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.

Pozdnyakov, V. M. 2000, *National penitentiary psychology: history and modernity*, Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.

Utevsky, B. S. 1969, *What should correctional officers know about cybernetics?*, Moscow.

Yanina Nikolaevna Polyakova, Candidate of Psychological Sciences, Head of Department of Methodology Development of Criminal Punishments Execution without Deprivation of Liberty, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

Andrey Viktorovich Polyakov, Head of the 4th Operations Directorate of the General Headquarters, the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation

PECULIARITIES OF PSYCHOLOGICAL PROFESSIONAL TRAINING OF EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM (COMPARATIVE ANALYSIS)

Recommended citation

Polyakova, Ya. N. & Polyakov A. V. 2018, 'Peculiarities of psychological professional training of employees of the penal system (comparative analysis)', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 75–79.

Abstract. The article deals with some peculiarities of psychological training of employees of the penal system. The specificity of psychological training of the penal system staff is determined on the basis of a comparative analysis of the professionally important qualities of the operational staff and the staff of the secure regime and supervision units.

Keywords: psychological training, professional training, professionally important qualities, professional activities of the staff, psychological analyses of activity.

References

Aksenova, G. I. & Simakova, T. A. 2016, *Pedagogical psychology*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Balamut, A. N. 2013, *Psychological training of penal service officers to emergency situations*, Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia, Vologda.

Kazak, B. B. & Ushatikov A. I. 2006, *Professional psychological penal staff training*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Karpov, A. V. 2005, *Psychological activity analysis*, Yaroslavl.

Lomov, B. F. 1989, 'Personality as the product and subject of public relations', in *Persolaity psychology in the socialist society*, Moscow.

Polyakov, A. V. & Polyakova, Ya. N. 2016, 'Personality motivation structure of the operative detective officers of the penal system during the assumption of office', *Bulletin of Vladimir Law Institute*, no. 2 (39), pp. 31–35.

Polyakova, Ya. N. 2016, 'Professionally important characteristics of the security departments officers of the penal institutions', in *Scientific works yearbook of the Kirov Institute for Continuing Education for officers of the FSP of Russia: Book of participants' reports of the scientific research activities*, pp. 210–213, Kirov.

On the approval of Regulations for the organization of the penal officers professional training: Order of the Ministry of Justice of Russia of 27 August 2012, No. 169.

Yevgenieva, A. P. (ed.) 1983, *Vocabulary of the Russian language*, 4 vols, Russian language, Moscow.

Shadrikov, V. D. 1994, *Activity and talents*, Moscow.

INTERSECTORAL ASPECTS OF ENFORCEMENT OF CRIMINAL SANCTIONS

Vera Aleksandrovna Kazakova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Criminal Law Disciplines Department, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: vera1313@yandex.ru

Sergey Valentinovich Garnik, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head Scientist Researcher, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: garnik-sergei@mail.ru

IMPROVEMENT OF LABOR-RELATED PENALTIES REGULATION

Recommended citation

Kazakova, V. A. & Garnik, S. V. 2018, 'Improvement of labor-related penalties regulation', *Penal law*, vol. 13(1–4), no. 1, pp. 80–83.

Abstract. In the article the authors analyze the regulation of the penalties associated with labor impact; predict the increase of the number of sentenced to these types of punishments due to the initiation of the criminal offence and the period reduction of short-term imprisonment.

Keywords: compulsory labor, correctional labor, community service, evasion from serving a punishment, criminal offense.

PENITENTIARY LIBRARY

Maksim Vyacheslavovich Stepanov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Criminal and Penal Law Department, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

REVIEW OF THE MONOGRAPH “THE FORCED NUTRITION OF CONVICTS SENTENCES TO DEPRIVATION OF LIBERTY” PREPARED BY THE TEAM OF AUTHORS UNDER THE SCIENTIFIC GUIDANCE OF DOCTOR OF JURIDICAL SCIENCES, ASSOCIATE PROFESSOR A. P. SKIBA AND THE GENERAL EDITORSHIP OF DOCTOR OF JURIDICAL SCIENCES, ASSOCIATE PROFESSOR A. A. KRYMOV

Recommended citation

Stepanov, M. V. 2018, ‘Review of the monograph “The forced nutrition of convicts sentences to deprivation of liberty” prepared by the team of authors under the scientific guidance of Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor A. P. Skiba and the general editorship of Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor A. A. Krymov’, *Penal law*, vol. 13(1–4), no. 1, pp. 84–85.

Abstract. The reviewer has noted the relevance, theoretical and practical significance of the conducted research “The forced nutrition of convicts sentences to deprivation of liberty”, has described its structure, has emphasized the positive aspects of the monograph and the members of the team of authors representing the headquarters of the Federal Penal Service of Russia, the Academy of the Federal Penal Service of Russia and other educational organizations of the Federal Penal Service of Russia, and also indicated its possible demerit. It is concluded that the publication of this monograph is desirable.

Keywords: review, monograph, forced nutrition of convicts sentences to deprivation of liberty, periods of forced nutrition, peculiarities of legal status of the participants of forced nutrition.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов.

Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество (для статей на русском языке обязательна транслитерация ФИО авторов) приводятся полностью, без сокращений. Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО во всех статьях автора. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

ORCID. Указывается индивидуальный номер каждого автора в системе ORCID.

ResearcherID. Указывается индивидуальный номер каждого автора в системе ResearcherID.

Контактная информация (обеспечивает связь любого желающего с автором): e-mail – публикуется в журнале; мобильный телефон – для связи редакции с автором, не публикуется, третьим лицам не передается.

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов (2000–4000 печатных знаков с пробелами), определяется содержанием статьи. Включает характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Не допускаются нерасшифрованные аббревиатуры, впервые вводимые термины (в т. ч. неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний (не более чем из 3 слов). Перечень основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы. Должен отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами.

Структура. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction) – актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановка проблемы, формулирование цели и задач исследования; методы (Materials and Methods) –

детальное описание методов и материалов исследования, схем экспериментов, а также информационной и теоретической базы исследования; результаты (Results) – фактические результаты исследования (текст, таблицы, графики, диаграммы, фотографии, рисунки); обсуждение (Discussion) – интерпретация полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; обобщение результатов исследования; предложения по практическому применению результатов исследования и т. д. Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Интервал – 1,5 (полуторный). Выравнивание текста – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру. Выделения в тексте – курсив.

Рисунки, графики, схемы, диаграммы, фотографии располагаются по тексту, нумеруются и подписываются (Рис. 1. Название), на них обязательно делаются ссылки в тексте (рис. 1). Исполняются в черно-белом цвете, должны быть контрастными и четкими (разрешение изображений не менее 300 dpi). Если иллюстрации не авторские, следует сделать ссылку на источник, откуда они скопированы.

Таблицы создаются в текстовом редакторе MS Word. Должны быть озаглавлены и пронумерованы. В тексте обязательны ссылки на таблицы (табл. 1). Если таблицы не авторские, следует сделать ссылку на источник, откуда они скопированы.

Формулы выполняются при помощи редактора формул MS Equation. Формулы располагаются по центру колонки без отступа, их порядковый номер указывается в круглых скобках. Единственная в статье формула не нумеруется.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования. Не допускается избыточное и необоснованное цитирование. Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление:

для статей на английском языке – Гарвардский стиль цитирования (Harvard Referencing Style);

для статей на русском языке – по ГОСТ Р 7.05-2008.

Образец для статей на русском языке:

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2017. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15 января 2017 г.).

Источники приводятся в порядке их цитирования в тексте (не по алфавиту) и не повторяются. У научных статей и частей из книг обязательно указывается интервал страниц (С. 54–59), а у монографий, учебников и пр. – общее количество страниц в издании (542 с.).

Научное издание

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научный журнал

Редактор *О. А. Кейзина*

Корректор *А. Ю. Пертли*

Перевод *С. А. Сильянов*

Компьютерная верстка *Г. Н. Смирнова, Т. А. Ключникова*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 28.03.2018. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 6,50. Усл. печ. л. 6,04. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1